

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ШАМИЛЬ АЛТАМИРОВ
СТЕПНОЙ ДРАКОН

FUTURE CORP.

Метро

Шамиль Алтамиров

Метро 2033: Степной дракон

«АСТ»

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алтамиров Ш.

Метро 2033: Степной дракон / Ш. Алтамиров — «АСТ», «АСТ»,
2017 — (Метро)

ISBN 978-5-17-102220-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Испокон веков по просторам степи ходила страшная легенда о древнем проклятии – чудовищном драконе Айдахаре, сеющем зло и страдания. И вот теперь это страшное имя вновь звучит на земле, опаленной Последней Войной. Рев атомное сердце, брызжет обжигающей свинцовой кровью, скрежещет сталью чешуя огромного лязгающего тела. И исчезают одно за другим поселения выживших. Но нашлись двое смельчаков, которые не уstraшили зла и отправились в погоню за чудовищем через пыльное раздолье и заброшенные города Казахстана. Один – в поисках отмщения, другой – ради спасения единственного родного человека...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102220-4

© Алтамиров Ш., 2017

© АСТ, 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Перечитай! Объяснительная записка Вячеслава Бакулина	7
Пролог	8
Глава 1. Разоренное селение	11
Глава 2. По следам смерти	16
Глава 3. Неожиданная встреча	23
Глава 4. Неприятный попутчик	29
Глава 5. Мертвый город в устье каменных гор	35
Глава 6. Черные патрули	41
Глава 7. Урановый завод	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Шамиль Алтамиров

Метро 2033: Степной дракон

© Глуховский Д.А., 2017

© Алтамиров Ш., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Перечитай! Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Привет, всем, кто еще с нами!

Как и любой другой редактор, да еще и сам не чуждый сочинительству, я с полным основанием могу считать себя профессиональным читателем. Чтение для меня – не только удовольствие, но каждодневная обязанность и насущная необходимость. Но помимо чтения новых книг – в процессе их подготовки, или уже подготовленных кем-то иным – я время от времени берусь за читанное уже когда-то давно. Иногда – опять же, что называется, по служебной надобности, но зачастую – просто так.

Хотя нет, вру. Не просто.

Перечитывать – насквозь или выборочно – знакомые тексты очень и очень полезно. Особенно, если с момента первого знакомства с ними прошло относительно много времени. Особенно если тексты эти когда-то были любимы, приятны и вообще всячески милы. (Впрочем, если они были массово любимы, приятны и всячески милы многим другим читателям, а вам вот, что называется, не зашли, – это как бы даже не полезнее.) Потому что такое чтение время спустя помимо ностальгии по старым добрым временам показывает, насколько вы изменились. Стали тоньше чувствовать и лучше понимать – себя и других. Приобрели опыт и улучшили вкус. Помимо увлекательного сюжета или переживаний персонажа, созвучных лично вам на данном жизненном отрезке, научились ценить яркость – в образе, точность – в слове, мудрость – в недосказанности. Стали получать особый кайф, отыскивая раскавыченные цитаты и отсылки разной степени завуалированности к давно минувшему и происходящему у вас на глазах. Перешли со стадии развлечения на стадию увлечения, а потом – и обучения. Ведь действительно хороший художественный текст может дать человеку несоизмеримо больше, чем самый продвинутый учебник или полный справочник.

Разумеется, бывает и так, что после подобного «повторного» знакомства с книгой она освобождает место на вашей полке. Об этом не стоит жалеть. Во-первых, всему свое время, и книгам – в том числе. Во-вторых, идеала, абсолюта, совершенства в мире нет и быть не может. Наконец, в-третьих, не забывайте: человек меняется всегда, каждый день на протяжении всей его жизни. А человек разумный отличается тем, что стремится меняться в лучшую сторону. И книги – отличный показатель этих изменений.

Приятного вам чтения, друзья!

Сегодня – и каждый раз – как впервые!

Пролог

Очаг мерно чадил белым дымом, который тут же уносило в дыру в потолке. Хозяин юрты в отблесках пламени не казался живым человеком, скорее восковым мертвецом, фарфоровой куклой, его кожа жирно блестела, отражая свет. Он сидел на кошме, поджав под себя сухие ноги, время, от времени добавляя нотки ароматного самосада к кислой вони кизяка – горящего навоза.

– Слушай балам, запоминай, – нарушил молчание хозяин юрты. – Сейчас такое время, когда старики вроде меня снова нужны, мы знаем многое... Давным-давно, когда Великая война только отгремела, Сталин был еще жив, в нашу степь приехали люди. Их было много, много было и техники, а военнопленных и того больше. Стройка, балам¹. Понимаешь? – хозяин выдохнул дымом.

Собеседник молча кивнул. Пока он понимал мало, но хозяину жилища перечить было бы не уважительно.

– В тысяча девятьсот сорок девятом году в двухстах километрах от Семипалатинска заложили объект. Большой стране, ослабленной войной, требовалось мощное оружие, это был ядерный полигон, – старик глубоко затянулся, поперхнулся дымом, закашлялся, отхлебнул чая с молоком из пиалы и продолжил:

– Но на полигоне испытывали не только бомбы, оборудования и денег было слишком много. А техника?! Ты, когда-нибудь, слышал про АСКВ-50? О-о... это гигантские машины-вездеходы с ядерным реактором вместо мотора! Прикрытие, балам. Сам объект «Москва 400» являлся строжайшей государственной тайной, но она прикрывала секрет иного толка. Больше двух сотен ядерных взрывов не скроешь от целой планеты, – старик огладил жидкую бороду, покосившись на затухающий очаг. Молодой собеседник, поняв без слов, подкинул в огонь плитки сухого навоза.

– Я был ребенком, мой отец тогда работал с самим Курчатовым. Отец любил рассказывать, а я слушать, что мне еще оставалось? – старик зашелся сухим смехом. – В нашем доме часто собирались коллеги отца: молодые, амбициозные, скорее похожие на Грушевских бардов, чем на физиков-ядерщиков. Так вот, под каждый ядерный заряд бурили шахты разной глубины. Шахтой больше или шахтой меньше, кто заметит? Никто. Где-то там секретная база, часть проекта «Мертвая рука», в окрестностях полигона. Отчего «Мертвая рука»? Американцы громкое название дали со страху. По-русски же это был обычный и непримечательный «Периметр». Что там творилось, не известно. А те, кому было известно, уже не расскажут, да-а... – старик задумался.

– Вначале девяностых Семипалатинский полигон закрыли, а после развала СССР базу и проект законсервировали – это все, что мне известно, балам.

Молчавший все это время собеседник, огладив бороду, с трудом встал с кошмянного пола и поклонился.

– Мерхат-ага... рахмет за информацию. И правда, сейчас то самое время, когда старики нужны как никогда.

– Басмач, – окликнул старик гостя, когда тот поднял кошмянной полог юрты, чтобы выйти. – У гидры много голов, сколько ни руби, появятся еще – запомни это, балам!

Басмач пристально посмотрел в безглазое, покрытое желваками из плоти и кости лицо старика:

– Я запомню, Мерхат-ага, – и вышел из юрты.

---

¹ Бала – в переводе с казахского языка, «ребенок». В данном случае можно понимать как обращение старшего к младшему «сын».

* * *

Назар метался в бреду, жар лихорадки сжигал его изнутри, а клопочущий кашель рвал легкие, до хруста выгибая ребра. Майя меняла тут же высыхающие тряпки на голове брата, но это слабо помогало, температура не сходила. Лекаря в стойбище пастухов как назло не оказалось, ушел в соседний поселок.

– Майка, – прохрипел Назар, задыхаясь, – воды... – Девушка промокнула лицо брата мокрым платком, подхватила уже опустевшее низкое ведро и выпорхнула из землянки на улицу за свежей водой. В открывшуюся на мгновение щелястую дверь незаметно для Майки тут же проникла серая тень с горящими глазами. Неслышно скользнула, цокая когтями по настилу, и нависла над больным. Глаза в полутемной камерке светились желтым; черный со шрамами нос шумно втянул запах мечущегося в бреду человека. Пасть, украшенная рядами острейших клыков, чуть приоткрылась и... красный язык лизнул подбородок.

– А-а... Бес... – Назар снова забулькал легкими. – Обессиленная рука ткнулась в пустоту, волк тут же подставил лобастую голову под ладонь, довольно заворчал.

– Бес, дружище... ты береги Майку если что, – Назар, глядя невидящими глазами в потолок, обращался к свирепому зверю как к брату. – Нет у нее больше никого... – Бес глухо рыкнул и заскулил. Рука вяло потрепала волка по ушам и упала.

Стены землянки задрожали, с потолка посыпалась труха, с улицы донесся рокот. Бес зарычал, рванулся было к выходу, замер, на полушаге обернувшись на лежащего, будто запоминающая, и, выбив грудью дверь, унесся в ночь.

Первый огненный шар упал точно между вышек дозорных, превращая ворота поселка в пыль. Второй и третий с воем пронесли по небу, врезавшись в дом старосты. В стойбище началась паника, жители заматались среди горящих домишек. Те немногие, что выполняли роль охраны, пытались навести хоть какой-то порядок, организуя оборону, но без толку: страх оказывался сильнее.

Земля под ногами дрожала, громогласный рев, пробиравший до самых костей, все приближался к поселению пастухов. Грохот затих. Тишину ночи нарушал лишь чей-то плач и треск горящих в огне хижин да хриплые команды старшины, собиравшего свое малочисленное войско. В сотне метров от стены в небо ударили две огненные струи, выхватывая из тьмы орду уродливых тварей. Они молча стояли перед воротами, будто чего-то ожидая, как вдруг разом сорвались и нескончаемым потоком хлынули в поселок, оцетинившись отточенной сталью. Вновь заревело.

Свист кровожадных сабель слился в единую песнь. Зашелкали выстрелы. Кровь лилась рекой. Смерть, сгорбившись, бродила среди низкорослых мазанок, время от времени указывая костлявым пальцем то на плешивого чабана с ржавым револьвером, так не вовремя давшим осечку, то на крепкого молодца с молотом на длинной цепи – местного кузнеца. На него Смерть, хрустя костяшками, указывала дважды, и дважды волна молчаливых убийц разбивалась об него под свист раскручиваемого молота.

На помощь ковалю пришел тощий как жердь ногой с вислыми усами. Две сабли злыми змеями зашипели в его руках, высекая искры о сталь нападавших. Новой ошибки ночные убийцы не совершили и два тела – широкоплечее и сухое – тут же подняли на копьях. Кровь пропитала землю и воздух, в темное молчаливое небо уносились мириады искр и десятки душ.

Майка, спрятавшись у колодца в дальнем углу стойбища, тихо рыдала, прижимая к тонкой груди низкое деревянное ведро. Хлопки выстрелов, крики умирающих, и хруст разрубленной плоти ввинчивались в мозг даже через плотно прижатые ладони. Она не была рождена воином, Майка была акробаткой, их бродячий цирк заехал в стойбище переночевать под защитой стены, хлипкой, слепленной из абы чего, но все же...

Но стена не защитила.

Девушка осторожно выглянула из-за кирпичного кольца колодца: черные тени в свете пожарища метались по стойбищу. Сгорбленные, с уродливыми головами с торчащими в стороны рогами существа выбивали двери домов, выволакивая наружу визжащих женщин и плачущих детей. Что делалось дальше, Майка не смотрела, просто зажмурилась, а когда открыла глаза, то... сердце пропустило удар: двое приближались к ее укрытию.

Горбатые, кривые на один бок, шумно дышащие, появились у колодца. Майка сжалась в комок, прячась в тени. Крепкая рука схватила ее за волосы, выволакивая на свет. Девушка забилась в крике, зовя брата на помощь, задрыгала ногами, оторвавшимися от земли, и описалась, от боли и страха. Черное лицо довольно зауhalo, держа Майку за волосы на весу.

Серая молния бесшумно метнулась из-за сарая. Сотня килограммов стальных мышц и кинжальной остроты зубов сшибла черное чудище с ног. Мгновение, и, скрежеща о сталь, клыки перекусили шею, молчаливый убийца забулькал кровью из разорванной трахеи, но умер так же молча. Второй оказался умнее: прикрывшись девушкой, потихоньку попятился к свету пожарища, держа саблю наготове.

Бес не рычал, он молча смотрел врагу в глаза – волка не пугали оружие и сила, он выжидал момент. Напружинив мощные лапы, Бес прыгнул. Сбив собой и Майку и нападавшего, волк перекатился по земле и вцепился зубами в руку, сжимавшую саблю. Наруч не помог молчаливому убийце, мощные челюсти без труда прожевали вываренную в масле кожу и кости. Удар палицей отшвырнул волка. Десяток бойцов в черных доспехах окружили раненого, помогая тому подняться. Когда визжащую Майку потащили волоком, Бес попытался подняться, но не смог. Лежа на примятой траве, в кизяке и собственной крови, волк скулил от бессилия, глядя вслед уходящей орде и длинной веренице связанных между собой женщин и детей.

Глава 1. Разоренное селение

Ернар мерно покачивался в седле, возвращаясь от соседнего стойбища. С самого начала все как-то не заладилось. Еще вчера выехал к соседям, чтобы принять затянувшиеся роды, по дороге лошадь попала копытом в сусличью нору, хорошо, что ногу не сломала. Когда приехал, оказалось, что женщина уже разродилась и помощи не требуется. Как тут в темноте возвращаться, степь кругом. Пришлось остаться. Всю ночь глаз не сомкнул, кошмары снились, еле рассвета дождался.

Вот и теперь, с каждым шагом приближался к родному селению, а тяжесть на сердце все не проходила. Когда ветер донес запах гари, а из-за холма показался столб дыма, сердце и вовсе упало. Хлестнув коня камчой², Ернар въехал на холм и остолбенел: стойбища больше не было. Зато у самых ворот, над землей возвышалась кровавая статуя трехглавого дракона, пугало. Ернар слишком хорошо знал его значение, уж больно много пугающих слухов ползло по степи.

Связанные между собой бревна, на которых искусно и со знанием дела развешаны куски человеческих тел. Неведомый скульптор явно любовался своей работой, с извращенной кропотливостью выверяя каждый штрих, каждый надрез и каждый стежок грубой нитью.

Отрубленные по локоть руки со скрюченными в агонии пальцами складывались в страшные крылья. Из ребер не менее чем пяти человек скроена мощная грудь. Венчают скульптуру головы трех мужчин на длинных шеях из целых хребтов, увитых ожерельем из кишок, желудков... Разъявленные в немом крике рты несчастных проклинали палача, а может требовали ответа у молчаливой судьбы: «За что?!». Лица, искаженные смертью, были знакомы Ернару, каждый день они ели и пили за общинным столом, подковывали коня или пасли сообща овец.

Не помня себя, старый военврач, повидавший для одной жизни слишком много, спрыгнул с коня на ходу, и бросился к своему двору.

– Айсулу?! – позвал он внучку, младшенькую. Старшие-то давно на небесах. – Внушенька!

Обугленные стены мазанки с провалившейся соломенной крышей ответили молчанием. Все селение, два десятка домов сожжено дотла! Даже собаку в конуре и ту убили.

Ернар повалился на землю как подкошенный, завыл, сгребая скрюченными пальцами теплый еще пепел, и размазывая слезы на старческих щеках.

– Внушенька... – причитал старик, сидя в пыли. – Не уберег. Родители доверили, а я не уберег...

– Айдахар, шайтан! Будь ты проклят! – крикнул в сердцах Ернар, грозя сухим кулаком куда-то в небо.

Сколько просидел оплакивая теперь уже мертвую внучку – старик не знал. Слезы высохли, но горе и горечь остались. Рука сама потянулась к небольшой кобуре за поясом. На солнце ярко блеснуло: два ствола, на два выстрела – самоделка. Оружием-то не назвать.

Непослушные пальцы с трудом скрутили одну, затем вторую муфту, оголяя казенник. Два патрона в остатках темно-зеленой краски выпали в прокопченную от загара узкую ладонь. «7.62» – выдавлено на донце каждого.

«Для одного старика даже много», – невольно усмехнулся Ернар. Но то была горькая усмешка. Покатав патроны от пистолета «ТТ» в руке, старик вернул их в казенник, закрутил муфты и со щелчком взвел курки.

Чуть теплый металл стволов уперся под подбородок.

В голове почти не осталось мыслей. Почти. Только одна назойливо жужжала: «самоубийство – грех». Подслеповатые старческие глаза в последний раз жадно уставились в бездонное

---

² Камча – так казахи называют короткий хлыст, или нагайку. Камча часто украшается резьбой и драгоценными металлами.

небо. Небо, той самой особой голубизны, которая возможна только в степи и нигде больше. В самой вышине парил одинокий орел, гордо, и величаво – птице были чужды людские проблемы.

В дальнейшей жизни больше не осталось смысла.

Скинув петельку самодельного же предохранителя, палец стал выбирать слабинку спускового крючка. Легкий скрежет пружины показался Ернару громом, какая-то часть души все еще хотела пожить, хоть немного. Вдруг к скрипу спускового механизма примешались скулеж и рычание.

«Собака... видать, выжила. С поводка сорваться не может. Отпущу, пускай в степи спасается, животное ни в чем не виновато», – пришло в голову старика. Поднявшись с колен, Ернар пошел на звук. Завернул за угол еще тлеющего сарая и вышел на главную улицу стойбища. Пусто. Мертво. Выгоревшие изнутри домишки напоминали больше выложенные в ряд черепа мертвецов, такие же безжизненные.

Обойдя догорающую повозку с клетками и дымящимися костями внутри, проковыляв на негнувшихся ногах в сторону колодца, Ернар заметил волка. Зверь подкапывал вход в землянку. Дверь привалило куском стены от развалившегося по соседству сарая. Старик остановился, разглядывая серого хищника. Шерсть всклокочена, вымазана в крови и грязи.

Волк заметив человека, перестал копать. Насторожил уши, пристально уставившись Ернару в глаза, будто оценивая, постоял немного и продолжил свою работу с удвоенной силой.

Старику от взгляда волка стало не по себе, будто в самую душу заглянул, вопрос, что увидал?

«Он не за пищей копает, мяса, прибитого на пугале, хватает. Тогда зачем?» – горе от утраты внучки и сородичей отошло чуть в сторонку. Ненамного, но этого хватило, чтобы капитан медицинской службы в отставке Ернар Рахметов стал вновь трезво мыслить. Старик потихоньку стал приближаться к зверю, но тот будто бы и не замечал человека, продолжая подкапывать дверь.

В шаге от зверя старик остановился в нерешительности:

«Надо же, минуту назад застрелиться хотел, а теперь серого испугался!»

Уперевшись плечом, Ернар, кряхтя от натуги и боли в старых костях, со второго раза все же сдвинул упавшую балку. Разбросал куски досок и рванул дверь на себя – в проход тут же метнулся волк. В сырой темноте землянки старик сослепу поначалу ничего не разобрал. Когда же слезящиеся глаза привыкли, Ернар наконец заметил парня, недвижно лежавшего на топчане. И волка. Тот, скуля, забрался на топчан в изголовье и принялся вылизывать лицо мертвеца. Старик, сморщившись, отвернулся...

«Зверь чуял мертвого...» – с этими мыслями он хотел было уже выйти, но путь преградил зверь. Волк сел на пороге, оказавшись с его лицом на одном уровне. Глаза Ернара и животного вновь встретились. Старик шагнул к выходу, волк глухо зарычал, но клыков не показал. Шагнул еще... Серый прижал уши и чуть обнажил клыки, но тут же спрятал.

– Бе-ес... – послышался за спиной тихий сип. – Нель-зя...

Двое суток старый военврач, обретая новую цель, выхаживал худого и длинного как жердь паренька, применяя накопленные за годы знания. Лекарств не просто не хватало, их не было, потому в дело шли травяные отвары, тертые корешки, драгоценный мед и пахучий бараний жир. К вечеру второго дня жар спал, лихорадка ослабила свою хватку. Парень, метавшийся в бреду, наконец, уснул.

Назар открыл глаза и сел на топчане, вернее, попытался: комната вдруг закружилась, вызывая тошноту. Ухватившись нетвердой рукой за стену, парень встал. Бес тут же вынырнул откуда-то сбоку, сел у ног и вывалил язык.

– Майка, – позвал Назар сестру. – Майка!

– А, проснулся, сынок, – послышался трескучий голос, обладатель которого показался в дверном проеме. – Создатель проявил милость... хотя бы к тебе.

Плешивый, и совсем высохший старик с грустным взглядом оказался рядом. Осмотрел на свет глаза, пощупал пульс. Улыбнулся.

«Знахарь, – решил Назар, глядя на старичка. – А Майка, наверное, с цирковыми...»

– Балам, ты лежи. Рано тебе еще ходить... Я сейчас питье тебе принесу, и поесть.

Назар смутился. Хотя, знахари, вообще, народ странный.

– Вы сестру мою не видели? Майка зовут. Она, наверное, с женщинами... на кухне.

Старик как-то сразу сник, пряча глаза и суетясь. Показалось, что даже постарел еще больше. Хотя куда там еще?

– Ты лежи, – сухая, в трещинах, но сильная ладонь легла на плечо. – Тебе сил набраться нужно.

Назар забеспокоился: «Определенно что-то случилось... Может, ее скорпион ужалил, или лошадь лягнула? Кляча может, она с норовом».

Назар снова попытался выйти, но знахарь не позволил, а Бес глухо зарычал, упершись лбом в колени.

– Ага, – обратился он к старику по обычаю казахов, – скажите, что с сестрой?!

– Нет ее, балам. Она умерла, – севшим голосом ответил знахарь, опустив голову. – Они все умерли...

Мир в одно мгновение перевернулся. Сестра – это вся его семья. Была. Больше никого не осталось. Не ощущая себя, Назар, пошатываясь, вышел наружу, зажмурился от яркого солнца. Когда зрение вернулось, все встало на свои места: сгоревшие дома, брызги крови на беленых известью стенах и кусок лица, глядящий из пыли одним глазом. Упав на колени, Назар беззвучно заплакал. Бес, усевшись рядом, задрал голову к притихшему небу и тоскливо завыл, сочувствуя горю хозяина. Хозяина ли?

Ночь опустилась на степь. Огонь в очаге тихо потрескивал, благодарно принимая кизяк и ветки саксаула. По стенам землянки плясали замысловатые блики и тени. В закопченном чайнике потихоньку закипала вода. Назар, сидел обняв колени и глядел в огонь, его знобило. Парень кутался в серую кошму из овечьей шерсти и все равно не мог согреться.

Старик снял закипевший чайник, кинул по шепотке сухих трав, разлил кипяток по выдавшим виды пиалам, одну протянул Назару. Обжигаясь об огненный фарфор, парень благодарно кивнул. От питья круто пахло мелиссой, иван-чаем и чем-то еще. Сделав глоток, Назар ощутил терпкую сладость солодки.

– Молока нет... – вздохнул Ернар, отпив немного.

– Кто это сделал? – нарушил молчание Назар, глядя в пламя. – Кто напал на поселение и... – слова о смерти сестры застряли в горле, свернувшись там горьким комком. Лежавший рядом Бес поднял забинтованную чистой тряпицей голову, наострив уши. Старик вздохнул, посмотрел куда-то сквозь сидящего напротив парня, отставив пиалу.

– По степи давно ходят слухи и страшные сказки про ужасного Айдахара. Что правда, а что нет – судить сложно, но небылиц много. То он летает, то под землю зарывается. Главное – его никто не видел. А если и видел, то ничего уже не расскажет. Тебе повезло, не заметили, приняли землянку, наверное, за погреб, – старик поскреб лысину пятерней. Сделал глоток из пиалы и продолжил:

– Есть у казахов древняя сказка или быль – кто знает? В незапамятные времена землей правил змей по имени Айдахар. Как правил, непонятно, но людей он вроде не знал. Был у него в подчинении соглядатай, комар. И летал, значит, комар, по свету, выискивая у кого же кровь самая сладкая. И выяснил этот насекомый, что самая-то сладкая именно у людей, и поспешил

своему хозяину об этом сообщить. Но про то узнала ласточка, сначала она уговаривала комара не говорить Айдахару про кровь людей, но тот ее не послушал.

Так вот, прилетел насекомый с докладом к змею, а ласточка напала, и самый кончик языка в полете у комара и отщипнула. Айдахар рассвирепел, стал за птицей гоняться, и вырвал несколько перьев у нее из хвоста, упал и об камень расшибся насмерть, м-да. И с тех памятных пор комар тонко пищит, а хвост у ласточки раздвоенный. Но то была сказка... – старик вздохнул, протягивая сухие ладошки к огню.

– Реальность же другая. По степи кто-то раскатывает на тяжелой машине и разорывает поселения, оставляя неподалеку страшные метки, пугала: тела убитых связывают арканом или сбивают гвоздями в подобие трехголового чудовища. Такое не спутаешь ни с чем...

На поиски отправлялись храбрецы, но почти никто не вернулся. А те, что вернулись, лучше бы погибли: обезумевшие, пускающие слюни идиоты или того хуже, живые трупы. Мальчик, ты видал хоть раз живой труп?

Назар отрицательно мотнул головой.

– Несчастного опаивают маковым отваром, а затем подвешивают за руки, сдирают полосами кожу, начиная с лица и до самого пояса. А после выпускают в степь... Для него самое милосердное – это смерть. Но человек очень живуч, да еще и опий из мака... Я много где побывал, на разных войнах: Афганистан, Корея. И вот что понял, балам, – страшнее человека нет зверя.

– А что делает Айдахар с жителями, всех убивает?

– Не знаю, сынок. Знаю только, ни один не вернулся, значит, умерли, – пожал плечами старик.

В голове Назара заметались мысли, формируя догадку:

«Если не убивают на месте, значит... значит забирают зачем-то, с определенной целью!»

– Ернар-ага, они могут быть еще живы, Майка жива! – Назар буквально подскочил на месте, окрыленный надеждой. – Понимаете, есть шанс!

Задремавший было волк подскочил на ноги, стал оглядываться по сторонам, выискивая опасность. Затем внимательно посмотрел на ожившего Назара.

Старый военврач лишь грустно улыбнулся, глядя на воодушевившегося парня. В душе он понимал, что все зря. Опыт, и прожитые годы не оставляли надежды на спасение угнанных жителей стойбища, Айсулу и сестры Назара. Но у паренька появилась цель, он будет жить, и идти к ней, пока верит.

Все это пронеслось в голове Ернара, вслух же он сказал:

– Я отдам тебе все, что у меня есть, коня, ружье. Если сможешь, спаси и мою Айсулу. Не сможешь, убей. Рабство – это не жизнь. – Старик взял Назара за руку, заглянул в глаза:

– Обещай, мальчик.

– Я... постараюсь, – выдавил из себя Назар. – Но убить не смогу.

– Сделай! – с нажимом произнес старик.

Назар кивнул соглашаясь.

– Вот и хорошо. – Про себя же Ернар подумал:

«Он не опустит руки, не поддастся отчаянию. Он обещал, это будет подталкивать его вперед – данное обещание».

Наутро, не поддавшись на уговоры Ернара – остаться, чтобы восстановить здоровье, – Назар решил идти на поиски, просто следуя по колее, оставленной неизвестной машиной. Парень собрал все, что может пригодиться в пути: свои метательные ножи, двуствольное ружье старика в седельной кобуре, немного провизии и воды; для перевозки хромого волка приспособил найденную тележку на тонких колесах и за оглобли приторочил к седлу наподобие

тачанки. Недовольно ворчащего Беса пришлось укладывать на руках. Хотел помочь старику похоронить прибитые к пугалу останки тел, начавшие ощутимо пованивать, но тот отказался.

Стоя у разбитых ворот стойбища, проверяя упряжь и подтягивая дорожные мешки, Назар в душе был полон оптимизма и надежды. Он торопился спасти Майку. Ернар же молча сидел неподалеку и наблюдал. Парень закончил подготовку и обернулся к старику:

– Пора прощаться Ернар-ага. Спасибо вам за все.

Подошедший старик обнял Назара:

– Будь здоров, сынок. Пусть Создатель не отвернет от тебя взора, не оставит в трудную минуту. И еще, балам, помни про обещание.

– Я помню, Ернар-ага, – Назар посерьезнел. Поставив ногу в стремя и, взявшись за лук, рывком запрыгнул в седло.

– Держи, она тебе пригодится, – старик протянул парню свою камчу. – Без коня мне она без надобности.

Назар взял в руку короткую нагайку. Хлесткий вываренный ремень на козьей ноге с копытцем, обтянутой кожей и подбитой медными и серебряными гвоздиками.

– Мне нечего дать вам взамен, – потупился Назар.

– И не нужно, парень. Прощай. – Старик хлопнул лошадь по крупу. Заржав, конь сорвался с места.

Военврач продолжал стоять, провожая долговязую фигуру на старом коне, пока оба не скрылись за холмом. Вдохнув, Ернар похлопал себя по кобуре, в которой до времени покоился маленький самодельный пистолет, и зашагал к пугалу.

Глава 2. По следам смерти

Когда слышишь слово «степь», то сразу представляешь плоскую как стол равнину, пыльную, с редкими проплешинами из пшенично-желтого ковыля, но это не так. Она умеет быть полной трав и цветов. Степь – проматьер всех ныне живущих, от мышей-полевков до людей с начала времен. Именно из древних жарких равнин пришел австралопитек. Именно здесь творил историю Александр, прозванный «Македонским», и Тимуджин, известный ныне как Чингисхан. Степь – это жизнь и смерть народов. Вот и сейчас, Басмач, сидя на пригорке, разглядывал лежавшую у подножия долину и хотел жить, а вернее есть.

Старенький, изрядно обшарпанный и маломощный, всего лишь семикратный бинокль «Беркут» Басмач приложил к глазам, выискивая цель. А цель, к слову, была хитрой. То тут, то там над раскаленной землей с вьющимся маревом вскакивали и замирали «столбики».

«Один, два, три, пять... Целый выводок, упитанные. Хм, а вот и вожак, кило на десять потянет», – размышлял про себя Басмач, разглядывая игры сурков в оптику. Сурки байбаки устроили свои гнездовища на широкой проплешине, которую наверняка сами и соорудили, начисто выкосив своими зубищами всю растительность почище сенокосилки. А вокруг плеша росла не высокая, ниже колена трава. Луг, самый настоящий цветущий луг посреди степи.

Басмач убрал бинокль и с сомнением посмотрел на свою винтовку: старенькую и вытертую СВТ-40, которая наверняка лично помнила товарища Сталина.

Важнее было другое, а именно: что останется от сурка после попадания тяжелой винтовочной пули? Нет, что-то точно останется. Например, четыре лапки и брызги внутренностей на пыльной земле. И патроны ой как следовало беречь. М-да.

Сурок зверек хитрый и, что плохо, мастерски владеет подарками матери-природы – хорошим зрением и неплохой скоростью. Бить сурка нужно метров со ста, в голову, из мелкашки... Басмач снова вернулся к наблюдению за дичью. И она, в смысле дичь, всю резвилась на лугу.

Продолжалось это довольно долго, пока толстому вожаку, видимо, не надоело стоять столбом под палящим солнцем, и он решил прогуляться. Вместо него тут же выросло уже двое часовых. Тяжело переваливаясь на коротких лапках, царь местных байбаков отправился пастись в сторону, потихоньку приближаясь к неглубокому устью давно высохшего ручья, идущего параллельно луга с норками. Басмач быстро спрятал бинокль в кожаный чехол, и принялся рыться в заплечном рюкзаке, такую возможность упускать не следовало. Выудив из недр сидора стальную рогатку и вжимаясь в землю, раскорячившись «крабом», очень и очень осторожно спустился с возвышенности.

Выгнутая из прута «шестерки» рогатка, с удобной рукоятью от рубанка, рамочным упором и подобием прицельных приспособлений. Не заводская конечно, сам мастерила. Но главное в ней был жгут, а, вернее, тонкая синяя трубочка из силикона, деталь от какого-то гоночного автомобиля еще тех, счастливых довоенных времен... Целых десятков патронов «семерки» пришлось отдать на торговще под Ахтюбой. Почти состояние!

Проползя на пузе почти три сотни метров по дну сухого ручья, Басмач подобрался к пасущимся зверькам. Осторожно высунулся из-за бережка, поросшего чахлыми кустиками.

«Ага, попался толстый», – ухмыльнулся в бороду Басмач, зажимая кожаной пращой собственноручно отлитый шарик из свинца и натянув жгут. Кепка осталась вместе с рюкзаком там, на камне, так что разошедшееся солнце изрядно припекало лысину. Осень, последние деньки, впереди зима.

Сурок, отъевшийся за лето, почти круглый, с шерстью чуть песочного цвета, тем временем, совсем позабыв об осторожности, подошел к засаде метров на двадцать и принялся копать какие-то корешки. Медлить было нельзя. Басмач рывком поднялся с лежища и с хлестким щелчком отправил тяжелый шарик в полет.

Костер, разведенный в тени низкорослого и корявого клена, весело потрескивал, а Басмач, расположившись чуть поодаль в низине, ловко орудуя ножом, потрошил очень жирного сурка.

Способов, которыми можно приготовить байбака, много до безобразия: в сметане, с овощами, приправами. А можно и по-монгольски, срезав голову и вынув потроха, накидать в сурка, как в чулок, раскаленные камни из костра и туда же натолкать сурчинный ливер, а после завязать. Получившийся таким макарон шар опалить на огне, избавившись тем самым от шерсти и блох.

Но подобные кулинарные извращения либо недоступны, из-за отсутствия овощей, либо откровенно противны. Да и для варки запаса воды осталось всего ничего. Потому освеженный, нарезанный кусками и тщательно сдобренный драгоценным черным перцем байбак шкворчал на раскаленной сковородке, распространяя вокруг просто сногшибательный аромат. Тщательно выскобленная шкурка же, растянутая на палочках, сушилась в тени. Для обмена вполне пригодится.

Басмач время от времени переворачивал тонкие полоски сурчатины, прожаривая мясо насквозь, чтобы с как можно большей вероятностью избавиться от трихинелл. Эти микроскопические черви-паразиты очень уж любят селиться в дичи, а затем в том, кто ее съел. Сдохнуть от червей в легких и мышцах Басмач не планировал.

В дополнение к сурчятине пригодилась черемша – дикий чеснок, растущий тут же буквально под ногами, и кружка отвара из корня одуванчика. Конечно, с настоящим кофе из медной турки, сготовленном на горячем песке, не сравнить, как говорится и рядом не валялось, но выбирать не приходится. Единственно, что в сытном обеде оказалось жирным минусом, так это отсутствие хлеба.

Досыта наестся хорошего ноздреватого хлеба со сладкой хрустящей корочкой была давняя мечта Басмача. Ни золота, женщин и власти не хватало для счастья. А попросту хлеба.

Насытившись, Басмач закопал останки сурка, закидал костер землей и, достав из рюкзака потускневшую от времени карту в затертом целлофане, стал прокладывать маршрут. Карта, кстати, была вовсе не сверхточной военной и даже не типографской, выданной из учебника по географии края, нет. Всего лишь плохая копия, местами размытая попавшей водой и дорисованная карандашом от руки.

Прислонившись к стволу дерева и прихлебывая чуть сладкий «кофе», Басмач углубился в изучение карты, хотя в этом не было особой надобности – эти места он знал. Когда-то здесь жил, и все ставшие безымянными поселки и деревни, расположенные в радиусе трехсот километров, навсегда засели в памяти: Секисовка, Белокаменка, Белоусовка. Да и проклятая машина, за которой он гонялся вот уже который месяц, оставляла очень уж приметный след.

День клонился к закату, следовало найти место для ночлега. В идеале стойбище, но там, где прошел конвой Айдахара, живых, как правило, не остается, лишь трупы и пепелище. Собрав пожитки и бережно упаковав остатки мяса про запас, Басмач, подхватив шкуру сурка, тронулся в путь. Следы машины петляли по степи, заглядывая в селения и заброшенные заводы. Басмачу казалось, что этот Айдахар что-то ищет, попутно собирая кровавую дань.

Великая степь стелилась под ноги то серой золой и каменным крошевом, то сочной травой, влажно хрустящей под кирзовым ботинком, целыми полями метелок уже пожелтевшего ковыля и пахучей полыни. Солнце почти коснулось горизонта, дневная жара уже сменилась вечерней прохладой, но не той, приятной, а пробирающей до костей, осень как-никак. Басмач потуже запахнул выдавший виды плащ, застегнул все, что можно застегнуть, натянул кепку на самые уши и зашагал бодрее.

Где-то вдали завыл волк, ему тут же ответили еще с десятка серых глоток. Хотя, возможно, и не волки вовсе. Мало ли что здесь водится. Срочно требовалось укрытие, прогулки по ночной степи в прошлом-то не шибко безопасное мероприятие, а после Напасти и подавно.

Позади Басмача раздался визг, причем многоголосый. Он преследует его уже на протяжении двух ночей: кто-то шуршит поблизости, скрипит, как пенопласт по стеклу. Пока удавалось найти убежище, в первый раз на высоком дереве, а во второй на страшно ржавой опоре ЛЭП. Последняя, кстати, светилась от «огней святого Эльма», иначе бы и не нашел в темноте. Перед сухой грозой как раз дело было. Пришлось торчать на верхотуре до самого восхода, с которым визгуны ушли. Но кто это был, так и осталось загадкой.

Басмач не торопился со знакомством, потому, пока света еще хватало, а дорога была видна, перешел на бег. Винтовка, готовая к стрельбе, перекечивала с плеча в левую руку. Прикnuв штык-нож к СВТ, проверил, легко ли выходит рабочий нож из ножен на поясе – вполне свободно.

Визг перешел в отчетливый, подстегнутый азартом лай.

«Загоняют, сволочи!» – скрипнул зубом Басмач, понимая, что преследователи идут позади широкой дугой. И когда «рога» этой дуги сомкнутся, визгуны нападут. Ну, как минимум не станут лезть обниматься и спрашивать, как дела и здоровье!

Темень, залившая все вокруг сплошной черной кляксой, не давала возможности что-либо разглядеть. Луны нет, а звезды скрала плотная пелена облаков. Басмач, задыхаясь от бега, на мгновение оглянулся, но никого так и не увидел. Хотя хриплое дыхание, шуршание лап, все слышно буквально в паре метров вокруг! Фальшфейера ой как не хватает, да. Или доброго факела. Но лучше пулемет и гомогенная танковая броня! Чего нет, того нет...

Возникшую было мысль остановиться и дать бой, пока все силы еще не ушли на бег, прервало падение. Запнулся? Как бы не так! Кто-то схватил за левую ногу и повис как раз на уровне шнуровки ботинка. И выбрали именно толчковую ногу, сволочи!

Выставил свободную руку, чтобы сразу при контакте с землей перекатиться, и не дать возможности визгуну навалиться сверху. Но вместо простого падения кубарем скатился куда-то вниз, видимо по склону холма. Левую руку с винтовкой вывернуло почти сразу, оружие, брякнув о камни, отлетело в темноту. Прибoльно с хрустом приложился плечом о твердое. Падение прекратилось. Правая рука, несмотря на боль, на автомате метнулась к поясу, выхватывая нож.

Перехватив извивающееся нечто, левой рукой от души встретил упругую плоть ножом, раз, другой. Тварь протяжно завывала. Дохнув трупный смрадом, перед самым лицом с костяным звуком щелкнул капкан пасти, полный зубов, тут света и не требуется, чтоб такое разглядеть. Еще удар, туда, где у любого из живых есть ребра – нож не подведи, не сломайся! Скорее скинуть с себя труп. Не лежать на земле, это не диван, двигайся боец! Срочно встать!

Вторая тварь ударила в колени, намереваясь опять свалить на землю.

«Что у них, боязнь высоты что ли?! – Наотмашь ударил туда, где должен быть визгун. Недовольно вякнуло. – Попал. Что, не нравится?! Срочно подняться!»

Бой в слепую, что может быть лучше. Ты не видишь ни зги, буквально на звук, вылавливая головы врагов, чтобы перерезать растущие чуть ниже глотки. Сколько времени прошло, час? По ощущениям больше. Ну, а в реальности? В реальности пара минут. Со стороны, наверное, даже красиво: один лысый, вооруженный лишь бородой и ножом, отбивается от десятка или даже больше непонятных, но голодных тварей.

Тактика у визгунов уж больно квадратно-гнездовая, что, впрочем, хорошо для одного бородача и плохо для оставшихся визгунов: сбить с ног и загрызть. Либо прыгнуть в лицо и загрызть. А в защите играет только рабочий, нож с лезвием сантиметров на двадцать пять, спину же прикрывает старый, но все еще прочный рюкзак давно сгинувшей островной импе-

рии, на жесткой раме для распределения нагрузки и со стальными пластинами, защищающий спину от пули на излете и осколков.

Однако, никакие ножи, винтовки и ковровые бомбометания не оружие сами по себе, а лишь инструмент. Руки, вот оружие. Еще ноги, зубы, то есть все, что натренированные выживать везде и при любых обстоятельствах мозги способны применить. Басмач и старина Морхольд умели выживать, и выживали бок о бок. Долго.

Басмач откровенно запыхался, годы как-никак. За сорок ведь уже. Твари потеряли уже четверых и отступили, видимо решив, что нахрапом не взять.

– Ну, суки драные! Подходи по одному! – шатаясь от усталости, со злорадной усмешкой рывкнул во все горло Басмач, смачно харкнул куда-то в темень, надеясь, что попал. Но визгуны не торопились.

«На перегруппировку что ли отправились или за пополнением? Падлы», – ярость, хорошая и боевая кипела в крови, придавая каждому движению отточенности и толику безрассудства, но оставаясь в управляемых рамках. Ярость же бездумная – путь на кладбище. Хотя и кладбищ в округе давно нет. Весь Мир стал одним большим захоронением.

Тучи тем временем мало-мало разошлись, пелена, укрывавшая землю от звезд, истончилась. Басмач, готовый к новому нападению, крутил головой из стороны в сторону, стараясь оказаться лицом на любой рык и шорох, твари кружили хоровод, играя на нервах. Как вдруг чуть правее и дальше Басмач заметил, что чернота явно темнее и чернильней, чем все вокруг, – низкий прямоугольник отчетливо проступал в ночи над землей, как кирпич под простыней.

«Загон для овец, зимовье!» – вспыхнула догадка. Оглядевшись еще раз по сторонам, Басмач, не торопясь, боком, боком, попятился в сторону кошары. Визгунам это не понравилось. Кинулись сразу двое и с разных сторон.

Первого Басмач пропустил над собой, пригнулся и полоснул ножом по брюху змеевидное, вытянутое, как у варана, тело. От второго увернулся, успел, добавил вдогонку кулаком. А после сразу же рванул к постройке пастухов.

Расстояние оказалось небольшим, метров сто, может меньше, кто его в темноте разберет? Ночь скрадывает ориентиры, сглаживает углы, добавляя привлекательности тому, что при свете дня не так уж и заманчиво.

Вовремя заметив глубокую траншею или яму, Басмач прыгнул вперед и с разбега, как по лестнице, вскарабкался по стене, сложенной из дикого камня-плитняка, оказался на плоской крыше. Убежище так себе, до земли два метра едва ли. Но визгунам, видимо, хватило. Сбившись плотной кучей, твари стали тявкать, вытянув морды, а затем как по команде развернулись и бросились бежать.

«Вот так да... чего это они?» – Басмач конечно рад, что визгуны отстали, но вот почему, вопрос. Ему казалось, что запрыгнуть на крышу загона для них не проблема. Испугались? Тогда чего, ограниченного пространства крыши? Возможно. Метров пять в ширину и... и хрен знает, не видно сколько в длину. Ну, да, тактика уже нужна иная. Басмач уселся на заметно скрипнувшую кровлю, оббитую не то резиной, не то транспортной лентой. Порывшись в карманах изодранного плаща, достал кусок тряпки и вытер лицо, руки и нож.

«Так чего же вы испугались, визгунишки?» – вопрос пока оставался без ответа.

Луна, большая, желтая и ноздреватая как сыр, тем временем окончательно выплыла из облачного савана. Степь вокруг стала светлой почти как днем. Где-то невдалеке послышалось тьяканье и визг. Басмач плюнул в ту сторону и принялся осматривать место, в котором волею судеб оказался. Ничего примечательного, самое обычное подворье: кроме загона, на котором он сидел, чуть поодаль в правильном порядке располагалось еще несколько прямоугольников разной длины, но одной высоты. В центре же просторная площадка и нечто, отдаленно напоминающее колодец с воротом, и длинные желоба-поилки для живности рядом.

Спуститься и, забравшись под защиту каменных стен, переночевать в тепле? Можно, но кто его знает, что притаилось в одной из этих коробок, пропахших овечьим и коровьим дерьмом? Да, наверняка там теплее, чем на крыше, продуваемой всеми степными холодными ветрами. Но там темнота и неизвестность, которую наверняка испугались визгуны. А тут свет луны, лежащая как на ладони крыша и простор. При том, что из оружия остался только нож. Винтовку, кстати, нужно подобрать, как только рассветет.

С этими мыслями Басмач плотнее запахнулся в плащ и улегся спать прямо под открытым небом, благо не впервой. Однако выспаться не получилось, всю ночь кто-то выл, и кого-то ели. Приходилось вскакивать, выискивая опасность, растирать замерзшие руки и ноги, а уже после проваливаться в болезненную дрему в полглаза. Небо окончательно распогодилось, и ночь потихоньку доползла до утра.

Басмач открыл глаза, когда солнце только-только подожгло горизонт. С трудом поднялся с промерзшей лежанки, руки и ноги отказывались слушаться. Борода покрылась инеем от дыхания, а плащ местами промерз льдом от выпавшей росы. Растерев, как следует, негнущиеся пальцы, залез в рюкзак за сурчиной. Мясо оказалось насквозь пропитано заливившимся салом, есть просто невозможно. Отложив завтрак на потом, последующие полчаса разминал затекшие мышцы, после чего, держа нож наготове, отправился искать потерянную винтовку.

СВТ обнаружилась сильно дальше места схватки, ремень изжеван буквально в труху, а приклад погрызен. Зато удалось, наконец, разглядеть, что же за звери напали ночью. А посмотреть было на что: с крупную собаку, но тело чудовищно вытянуто и покрыто подобием черной чешуи. Лапы для такой туши слишком короткие, а хвост наоборот. Морда хоть без единого волоска, заостренная к носу и ушастая, как у степной лисы корсака, но с толстыми, как у сома, усами. Если прищуриться, так вылитый китайский дракон, изображенный на вазах династии Мин и термосах маде ин чайна!

Вспомнив о необходимости пополнить запасы воды, Басмач решил все же проверить колодец, что расположился точно посреди подворья, где ему посчастливилось заночевать. Отсюда оно, кстати, лежало, будто на ладони. Усевшись на рюкзак и подставив спину разгоравшемуся солнцу, он стал наблюдать в бинокль.

Ничего необычного, двор как двор. Скорее это даже не временное зимовье пастухов, а самое натуральное крестьянское хозяйство, в прошлом. Вон, насквозь ржавый трактор с такой же ржавой водяной бочкой на колесах. Несколько открытых загонов для скота, и закрытых зимних. Приземистый дом из осыпавшихся от времени и дождей шлакоблоков с плоской односкатной крышей, накрытой прогнившими листами жести. Даже стекла в рамах на месте. Вот только ни у одного строения нет дверей. Вернее, черный провал входа имеется, а чем его прикрыть, нет.

«Чего же испугались драконьи визгуны?» – Басмач отнял бинокль, поскреб в бороде. Как ни крути, а вода нужна. Он уже собрал свои пожитки, срезал обслонявленный ремень с СВТ, проверил патроны и двинулся к подворью, как что-то мелькнуло. Еле заметное движение. Снова выудив бинокль, Басмач присмотрелся и сначала не поверил глазам: центральная часть двора, вместе с колодцем пошла складками, в стороны побежали ровные трещины, и образовался провал. Широкая земляная воронка с наклонными стенками, хрен выберешься... Прямо ловушка муравьиного льва! Вот только, где эти муравьи? Засевшая в центре двора зверюга питалась исключительно теми, кто подходил к колодцу, людьми. Хотя водички хотелось и местной живности, для нее остались лотки-поилки.

Затем показался хозяин.

«Ну ни хрена себе!» – Басмач от удивления присвистнул. Из ямы, беспрестанно ощупывая землю вокруг многочисленными гибкими усами, вылезло нечто среднее между котом-переростком и медведкой. Только первый должен быть размером с крысу, а вторая не больше желудя. Здесь же был целый буйвол, очень и очень откормленный буйвол. Раззявив

крокодилью пасть, кротобуйвол поводил вытянутой мордой туда-сюда, будто бы нюхая воздух, затем направился к сараю, на крыше которого Басмачу пришлось ночевать.

Неуклюже перебирая короткими, но мощными лапами, зверь попытался влезть на крышу, не получилось. Разочарованно щелкнув зубищами, кротобуйвол неспешно прошелся по двору, длинными усами-щупальцами поочередно «заглядывая» в каждое строение через разъявленные двери. Ничего не обнаружив, вернулся в свою яму-ловушку и принялся раскидывать лапами землю. Поднявшаяся пыль на время закрыла обзор, но когда пепельно-серая взвесь улеглась, скотный двор снова выглядел мирно и даже безопасно.

Оставив далеко позади смертельно опасный скотный двор, Басмач вернулся к следу конвоя Айдахара. Местность была в основном равнинной, похожей на поднос с высокими краями, так как почти на горизонте со всех сторон долину окаймляли горы. Самые настоящие и скалистые. День окончательно прогрелся, стало жарко. Пришлось вместо потерянной в ночи кепки повязать голову белой тряпкой, чтобы лысину не напекло.

Местность жила. То тут, то там, чирикали птички, а в сухой траве стрекотали кузнечики и наверняка копошились полевки. Протяжный крик орла или черного грифа разнесся по округе, птица бесшумно и гордо парила в вышине, высматривая добычу. Долина из широкой равнины перешла в узкую и глубокую балку. Наверное, во времена пещерных людей здесь прополз ледник и изгадил местность провалами и ущельями.

Басмач шел по широкой колее, продавленной колесами тяжелой машины. Иногда чуть в стороне, иногда прямо по ней. Чем думал водитель этой махины, было не понятно, потому как путь, который выбирала машина, назвать нормальным можно с натяжкой. Скорее, конвой пути не выбирал, а попросту прокладывал ребристыми колесами и стальными гусеницами траков, срезая отвальным ножом невысокие бугры, выворачивая валуны.

Балка тем временем постепенно перешла в равнину, пока не уперлась в ворота – проход, некогда пробитый людьми между двумя скалистыми пиками. Идти стало труднее, под ногами хрустело каменное крошево из мелких скользких плиток. Через сотню метров ворота остались позади. Впереди, примерно в километре виднелось селение. Басмач достал бинокль.

Обычный по нынешним временам поселок пастухов: стена высотой метра три окаймляла небольшой пятачок земли со жмущимися друг к другу лачугами, войлочными юртами и загонями для скота. Все бы ничего, только след конвоя шел аккурат через стойбище. И знакомая уже конструкция перед входом тоже о многом говорила.

Вблизи лучше не стало, поселок был разорен, как и десятки других. Басмач внимательно осмотрел следы, засохшие лужи крови то тут, то там. Скотину, конечно, увели, равно как и людей.

Обыскав немногочисленные домишки и разжившись сушеным мясом и пополнив запас воды из колодца, Басмач подошел к пугалу. Жирное воронье с громким карканьем нехотя разлетелось. Впрочем, не далеко. Длинноклювые вороны уселись вокруг и стали ждать, когда уйдет человек.

Сложная конструкция из прибитых к бревнам частей человеческих тел образовала статую, видимо посвященную самому Айдахару: три мужские головы насажены на торчащие прутья; по четыре руки с каждой стороны, похожие на крылья...

«Добро пожаловать на дикий восток, черт побери!» – Басмач в сердцах пнул выбеленный временем бараний череп, подвернувшийся под ногу. Хотел было уже уйти, но привлек внимание один труп, целый.

Старик, в длинном войлочном не то халате, не то пальто сидел, прислонившись к стене напротив пугала. Запрокинутая голова с открытым ртом и отсутствующей макушкой глядела выпцветшими от возраста глазами в небо. В правой руке мертвеца чуть блестел на солнце пистолет.

Басмач наклонился и с трудом вытащил оружие из цепких старческих пальцев. Покрутил так и эдак – самоделка. Открутил муфту затвора, скovyрнул стреляную гильзу из нижнего ствола. Проверил верхний – заряжен. Вернул муфты на место. Взвесил пистолет в руке, решил, что лишним не будет, и сунул в карман плаща.

Потоптавшись в нерешительности, закрыл успевшему заоченеть мертвецу глаза. Почему так поступил? Басмач и сам не знал ответа. Возможно привычка, оттого, что приходилось проделывать такое не раз. А может, потому что взгляд мертвеца порой много красноречивее, чем у живого. Этот старик, кстати, ушел сам, и по доброй воле. В его глазах все еще плескалась тоска.

Вздыхнув, Басмач отправился искать лопату. Где-то в стойбище обязательно должна была оказаться старая штыковая лопата. Оттащив заостеневший труп подальше от дороги, Басмач выкопал могилу и похоронил старика, установив в качестве надгробия плоский камень. Хоронить останки тех, что были на пугале, он не стал. Во-первых, там было месиво, кишашее червями. А во-вторых... это не имело смысла. Потому Басмач, стащив все, что могло гореть, в кучу, разложил у подножия пугала большой костер под негодующее карканье ворон.

Когда пустое селение и чадающий черным дымом костер оказался далеко за спиной, мерно шагающий Басмач разглядел в пыли следы: кто-то на коне с телегой ехал точно по следу Айдахара.

«Кто ты, неведомый конкурент? – подумал Басмач, оглаживая бороду. – Айдахара, чур, убиваю первым!» Ему стало интересно, кто еще преследует конвой и зачем. Басмач зашагал быстрее, неведомого конкурента следовало догнать.

Глава 3. Неожиданная встреча

Старый конь, взявший поначалу трусцой, быстро выдохся и сейчас едва переставлял ноги. Четко отпечатавшийся в высохшей и растрескавшейся земле след конвоя петлял по полям и холмам. Прямо в колее иногда встречались кучи дерьма, черные пятна мазута и ошметки, какие бывали в походной кухне цирка. Конвой Айдахара раскатывал по степям с комфортом, буквально жил на колесах.

Быстро настигнуть похитителей сестры не получалось, первоначальное воодушевление, сменившее уныние, уступило место отупляющей усталости. Назар скакал целый день почти без остановок. Непривыкший к длительным конным переходам, сейчас проклинал все на свете, потому как ни задницы, ни спины не чувствовал, а лишь только сплошной комок из ломящей боли. Но все равно, скрипя зубами и едва держась в седле, продолжал путь.

«Майка в руках безжалостных убийц, одна, испуганная...» – При мысли о том, что сейчас происходит с сестрой, Назар закипал, готовый разорвать голыми руками любого, кто бы стал на пути. Сжав зубы и изредка оглядываясь на лежащего в повозке Беса, упорно ехал дальше.

Если брат готов на любые жертвы ради сестры, то конь врача Ернара, по кличке Жаманат, на такое готов не был, потому в один прекрасный момент просто встал, не реагируя на понукания седока. Попытавшись вылезти из седла, Назар кулем свалился на оказавшийся рядом муравейник. Очутившись на земле, он вдруг понял, насколько устал и проголодался. И если бы не злобные красные муравьи, так остался лежать, приходя в себя.

Лежи не лежи, а делать что-то все же нужно. Вытряхнув злобных мурашей из-за пазухи, кряхтя от боли в пояснице и отбитом заду, Назар снял поклажу, сгрузил волка на землю, расседлал коня и, стреножив тому ноги, отпустил пастись.

Поле, в котором нерадивому коню приспичило «сломаться», не выглядело слишком опасным: впереди и позади – тянулась сплошная, просматриваемая чуть не до горизонта равнина, поросшая низкой и чахлой травой. Слева, минимум в километре, виднелся овраг, переходящий в жидкий лесок из белоствольных тополей. Справа же метрах в двухстах протянулась невысокая насыпь – видимо, старая дорога. А уже за ней из высокого кустарника торчали обломками зубов какие-то постройки, скорее даже развалины.

Соседствующие развалины Назару не понравились, такие места привлекают нечисть. Но выбирать не приходится – где встал конь, там и лагерь. Бросив на землю ненавистное седло, Назар уселся на него и принялся копаться в седельных сумках, заряженное ружье легло тут же под рукой. На свет появился сверток с сушеной ягнятиной, пресная лепешка, бутыл с травяным отваром и фляга с водой. Но прежде чем поесть самому, Назар плеснул воды в низкий котелок и, отрезав от мяса изрядный кусок, отнес все Бесу. Волк, приподнявшись на нетвердых ногах, нехотя принялся за еду.

«Раз не отказывается от еды, значит поправится», – обрадовался Назар, глядя Беса пока тот ел. Цирковые животные, которым выпадало подцепить какую-нибудь хворь, как правило перед смертью всегда отказывались от пищи – это Назар помнил хорошо. Правда этим знание о зверях и заканчивалось. Что будет делать, если Бесу станет хуже, он не знал, а лекарь Ернар уже далеко, в разоренном стойбище. Майка, кстати, в этом лучше разбиралась.

От мыслей о сестре в груди стало щемить. Особого плана по спасению Майки у Назара не было, главная цель найти. Шимун – владелец их цирка – любил повторять присказку: «Война план покажет». Вот и сейчас, срезая с куска сушеного, круто просоленного мяса тонкие полоски, Назар думал так же:

«Найду Майку, а там видно будет. Важно найти. Живую. Остальное переживем, ведь мы вместе...»

Несмотря на то, что напоздали сумерки и стало отчетливо холодно, Назар огня решил не разводить. Костер впотьмах видно издалека, так зачем ненужное внимание привлекать? Поверх колючего шерстяного свитера – подарка от Ернара, Назар надел короткую войлочную куртку – тоже презент от старого лекаря. Промокшую от пота рубаху, в которой он провалялся, трясаясь в лихорадке, старик забрал и сжег, заверив, что в ней поселились злые духи. Спорить не стал, хоть в духов, тем более злых, не верил. А вот в недобрых людей и всяких кровожадных тварей вполне уверовал.

Лошадь с хрустом обгладывала мелкие листочки с низкого кустика неподалеку. Волк, съев мясо и выпив полный котелок воды, растянулся на куске кошмы. Вылизывая передние лапы, он время от времени щелкал зубами, ловя насекомых в шерсти. Назар, сидя опершись на ружье и размышляя, не заметил, как задремал, сказались усталость и болезнь.

Встрепенулся от чудовищного грохота: небо озарила молния, закапал дождь. Наступила ночь, темно хоть глаз коли. Под вспышки грозových разрядов спешно, практически на ощупь, стал собирать пожитки и ловить испуганно шарахавшегося коня. С трудом справившись с нервно ржущим животным и погрузив волка на повозку, поспешил вперед, надеясь найти укрытие. Дождь между тем зарядил всерьез и надолго. Поднялся ветер.

Природа разошлась не на шутку.

Назар, прикрывая лицо рукой от хлещущих с неба водяных струй, едва удерживал коня. Тот все время норовил то пуститься вскачь, то встать на дыбы, но упорно отказывался идти вперед. В темноте тянущиеся справа развалины за насыпью светились мягким, чуть пульсирующим светом. Что там могло быть, парень решил не узнавать, себе дороже. Но упрямое животное, несмотря на понукания и удары короткого хлыста, хоть боком, хоть задом, хотя бы на шаг, но двигалось именно к этой пульсирующей зелени!

Все вокруг озарила яркая вспышка. Синяя молния, промелькнув по небу быстрой змеей, ужалила одинокий столб, торчащий рядом с насыпью. Оглушительный хлопок ударил не то что по ушам, по голове! В стороны брызнул расплавленный металл, вымокший кустарник, вмиг став сухим, вспыхнул.

Испугавшись огня, конь встал на дыбы, выкинув всадника из седла. Не устояв на разъезжающихся в грязи ногах, лошадь перекувыркнулась через себя, ломая хлипкие оглобли повозки. Проворно подскочив, обезумевший конь опрометью бросился к насыпи, и, с хрустом продравшись через растущий кустарник, исчез в ярко-зеленой вспышке.

Назар только от злости пнул кочку, но за лошадью и пожитками не пошел, себе дороже: это свечение его пугало.

Зеленое свечение и зловещие развалины вместе с обезумевшим конем остались далеко позади. Проплутав под дождем почти до середины ночи, еле волоча повозку с остатками скарба и волком, Назар дотащился до неприметного строения у старой дороги. Сил идти дальше не осталось, вот упали Назар сию минуту, и никакая сила в мире не заставила бы уже его подняться.

«Нужно идти, еще немного... до сарая. Там сухо. И Бес. Беса под дождем бросать нельзя. Что Майка скажет по возвращении, если с блохозавром что-то случится?.. Надо собраться», – собрав оставшиеся крохи того, что принято называть «воля», Назар, крепче сжав ружье в мокрых и почти не гнущихся от холода пальцах, отправился на разведку.

Осторожно ступая по размокшей хляби, предварительно проверяя лужи, чтобы не нырнуть в такую с головой, Назар приблизился к строению. Это оказался хлипкий навес, едва прикрытый с трех сторон ржавыми листами железа. Укрытие так себе, но все же. Он и такому был рад.

«Осталось убедиться, что в домике никто не живет», – вспомнилась слышанная еще в убежище сказка про разумных мутантов, до поры до времени живших под одной крышей. Слиток стали, превращенный неизвестным мастером-оружейником в ружье двенадцатого калибра

с выведенным белой краской номером «2» на спаянных горизонтально стволах, придавал Назару уверенности. Оружие вообще способно творить чудеса, делая храбреца из труса.

Вслушиваясь в drobный перестук капель по железу и вой ветра, пристально всматриваясь при каждой вспышке молнии в непонятное строение, Назар приблизился к входу. Двери у навеса не оказалось, только квадратная дыра. Льющиеся с неба струи заливали глаза, не давая разглядеть в кратких вспышках, что там внутри. Вдруг какой зубастой твари не захотелось мочить шкуру?

«Раз, два, три... – вспыхнула молния. – Раз, два, три – опять вспышка», – бушевавшая стихия огрызалась грозowymi разрядами почти с одинаковыми интервалами. Дождавшись, когда по прикидкам снова должно шарахнуть, Назар, прикинув к ложу старой двустволки, рванул вовнутрь. Заливший небо сине-желтый огонь на долгое мгновение разогнал темноту.

Пока вспышка не затухла, Назар запрыгнул под навес, готовый в любой момент выстрелить, но никого не обнаружил. Пусто.

Место оказалось обжитым, его посещали люди – по крайней мере, Назару хотелось так думать, что люди. У самого входа расположилось широкое, от стены до стены, старое кострище. А в глубине, почти у дальней стенки приютилось костровище поменьше, скорее даже очаг, обложенный крупными булыжниками с проволочной треногой для котелка или чайника. Было даже подобие топчана или лавки, скроенное из заржавленных уголков во всю правую от входа стену. Тут же, под лавкой, на подстилке из стальных прутьев притулилась большая вязанка сухих дров. Шмыгнув носом и все еще держа оружие наготове, Назар пошел за волком и поклажей.

Тяжелые капли выбивали дробь о жестяные стены и крышу, костер, разложенный у входа, терзал налетающий ветер. Пламя то приседало, то взвивалось к потолку мириадами искр, засыпая глаза горячим пеплом – Назар внутренне даже обрадовался, что под навесом в общем нечему гореть, все из железа. Промокшая одежда сушилась, развешанная на стенах. Подвесить над огнем свою куртку, свитер и штаны Назар не решился, мигом сгорят. А низкие кожаные сапоги, наоборот, устроил у самого костра, и из них от жара валил пар.

Несмотря на огонь, в железном сарае было до жути холодно, все тепло выдувало через щели и разъявленный вход. Поджав ноги, Назар, раздетый, сидел на полке обняв колени и стучал зубами. Время от времени его душил булькающий кашель, болезнь возвращалась. Бес забился в дальний угол, видимо от огня подальше, и, свернувшись калачиком на подстилке, как будто дремал. Правда чуткие уши волка жили своей жизнью, то и дело прислушиваясь к вою ветра за стеной, перестуку дождя и скрипу хлипкого убежища.

За полночь стихии надоело бушевать, и она успокоилась, следом стих ветер, а дождь из проливного превратился в тихо шелестящую морось. Жестяной навес наконец-то прогрелся. Назар натянул на себя все еще влажные вещи – неприятно, но не смертельно. От войлочной куртки нестерпимо воняло не мытой овцой. Хотя он с трудом представлял, как именно пахнет овца мытая. Усталость вновь навалилась тяжелым мешком, нестерпимо хотелось спать. Дважды ловил себя на том, что почти заснул, когда ружье, бряцнув о стену, выпало из рук.

«Вход загорожен повозкой и костром. Войти тихо не смогут», – Назар покосился на мирно спящего волка и потер кулаком глаза, в них будто песка насыпали! Решив, будь что будет, подбросил хворост в костер у двери и, улегшись на топчан, сразу же провалился в тяжелое забытие.

Очнулся будто от толчка, хотя вроде только смежил веки... Глаза спросонья еще привыкали к темноте, Назар сначала не понял, где очутился, понимание пришло чуть позже. Костер уже затух, лишь красные от жара угли отбрасывали странные блики на ржавые от потеков стены. С первого взгляда как будто стало темнее.

Назар лежал не шевелясь. Вроде явной угрозы нет, но ощущение чего-то не правильного и опасного, выработанное еще там, в подземелье Новосибирска, говорило об обратном. Назар

прислушался: чуть слышно причмокивая во сне сопит Бес. Отдавая тепло, потрескивают в костре угли. Дождя не слышно, как не слышно и ветра.

Назар поежился от стылой струйки сквозняка, заползшего за шиворот. От давящей на уши тишины становилось не по себе. Тявкнул и завозился в темноте Бес. Назар вскочил с лежанки, чтобы прийти на помощь волку, но тут же шею сдавило обручем, раздирая кожу чуть не до мяса. Инстинктивно схватившись за шею, сразу же поранил руки в кровь – на петле были шипы. Назар в панике зашарил по колючей веревке, наплевав на боль, схватился над головой и принялся тянуть вниз, буквально повиснув всем весом. Но петля не собиралась сдаваться.

Где-то на грани слышимости рычал Бес, шелкая капканом пасти.

В груди горело огнем, а в голове металась паника. До ужаса хотелось вдохнуть, хоть немного, хотя бы чуток! В глазах появились красные круги, скачущие мысли становились тягучими, непонятными. Назар перестал понимать то, о чем в данный момент думает: жжет нутро? Хочется воздуха?.. Витающие перед взором круги постепенно теряют четкость, растворяясь в непроницаемой темноте...

Ослабшие и такие неподъемные руки упали вдоль туловища двумя колодами. Только толстые и непослушные пальцы – большой и указательный – привычно ткнулись в грубые кожаные ножны. В черной жиже, заволокшей голову, мелькнула яркая искра: «Ножи. Метать. Резать...»

Вытянув двумя пальцами тонкое треугольное лезвие, чужой и непослушной рукой махнул над головой. С хрустом чиркнул по самой макушке и не почувствовал боли. Петля, сжимавшая горло, тут же ослабла. Назар всем весом рухнул на загаженный пол.

Воздух обжигающим потоком хлынул в легкие, парень зашелся в изнуряющем кашле. Одеревеневшее тело будто пыталось выbleвать собственные легкие! Прийти в себя Назар не успел, вернее не дали чьи-то бесцеремонные и цепкие пальцы. Они впились в волосы, руки, одежду и поволокли куда-то.

В лицо дохнула морозная прохлада, за шиворот полилась ледяная жижа. Холод подстегнул, как хлыстом. Извернувшись и достав второй нож, Назар наугад ткнул отточенной сталью. Кто-то вскрикнул. Вокруг испуганно, а затем озабоченно завохотали. Следом посыпались удары. Второй и третий пришлось по голове.

Очнулся почти сразу. Его за ноги волокли двое, их сутулые фигуры отчетливо виднелись в лунном свете. Они неспешно переговаривались:

– Го?

– Го-го...

– Го-о! – недовольно заухало где-то позади. Третий, его Назар не видел. Осторожно, не привлекая внимания, потянулся к ножу, последнему. Незаметно не получилось, позади быстро зашлепали шаги. Рывком согнувшись вперед, Назар выхватил нож и метнул его в сутулую спину того, что справа. Тот, что слева, завидев падающего товарища, отпустил ноги Назара и растворился в темноте. Парень еле успел откатиться, как что-то тяжелое, расплескав ледяную жижу, плюхнулось рядом с головой.

Мохнатый здоровяк с зазубренным топором на корявой палке замахнулся для второго удара. Назар закрылся руками и зажмурился, ожидая удар, который ему нечем отразить. Раздался хлопок. С громким «чавк» урод повалился в грязь рядом. Послышались неторопливые шаги, кто-то приближался.

– Хм... кто это у нас? – луну, висевшую в небе желтым яблоком, загородила чья-то широкая фигура. – Не хрен валяться, не май месяц на дворе, застудишь чего.

Сильные руки впились в куртку и рывком подняли Назара над землей.

– Мне, знаешь ли, было интересно, кто из вас победит. Правда, – усмехнулся незнакомец. – Ты что, пацан, язык проглотил? Так нюхني нашатырю... хотя где его сейчас сыщешь.

– Спасибо, – выдавил из себя Назар. – Они бы меня убили.

– Ага и съели, – добавил незнакомец. – Ну, спасибо сыт не будешь, – скептический заметил спаситель, перехватывая свое ружье. И тут же уточнил, оглядываясь по сторонам: – Только учти, натурой не беру. – Назар успел разглядеть его в профиль на фоне луны: блестящий череп, горбатый нос и торчащая борода.

– Да у меня и нет ничего... Что значит натурой?! – спохватился Назар.

– Не ссы, пацан, шутка. Пошли, подлатаем тебя что ли.

Незнакомец шел впереди, держа наготове свое оружие. Свернув куда-то в кусты, он вытащил не то мешок, не то рюкзак.

– Что же ты, пацан, один гуляешь, а? От обоза, наверное, отстал? – не оборачиваясь, на ходу поинтересовался бородач.

– Обоза? – непонимающе переспросил Назар, морщась от боли. Разодранное шипами горло и голова полыхали огнем, вся куртка вымазана в крови и грязи. Ответить не успел. Бородач, круто развернувшись на месте, вцепился стальной хваткой в шею Назара, в лунном свете блеснула сталь:

– Говори, сученыш, где прячется Айдахар?! Зачем ты идешь по следу конвоя, глиста в обмороке, от своих отстал?!

Бешеные глаза бородач сверкали безумством, от сиюминутного благодушия не осталось и следа. Назар с трудом проглотил скопившуюся во рту слюну. За прошедшие несколько дней с ним случилось слишком многое: сначала чуть не помер от лихорадки, одни уроды похитили сестру, а другие его самого чуть не схарчили на ужин. Вдобавок чуть не задушив, не зарезав и не проломив голову... И теперь какое-то лысое мурло трясет за грудки, утверждая, что он, Назар заодно с Айдахаром! Тут его прорвало.

– Да пошел ты! – рявкнул Назар прямо в бородачую харю. – Да... Да я Айдахара руками голыми разорву, и тебя утырка лысого! Сука бородастая... – Назар вцепился в удерживающие его руки. – Убью, понимаешь, его! Они... Майку, сестру... – из глаз тут же хлынули слезы. Назар разрыдался.

Бешеный взгляд бородач потух, он молча смотрел на долговязого, по нынешним временам уже взрослого, а по факту еще ребенка – пацана, на долю которого, видимо, выпало многое.

– Да ладно. Пацан. Ты успокойся, – проговорил бородачатый, отпуская Назара и пряча нож. – Верю. Проверял просто. Меня кстати Басмачом зови.

Из темноты навеса послышалось рычание. Басмач тут же скинул винтовку с плеча, целясь в две красные точки в глубине.

– Не стреляй! – Назар кинулся Басмачу под руку. Грохнувший выстрел ушел левее и выше, пуля яркой искрой чиркнула по дальней стенке навеса. Назар не понял, как оказался лежащим в грязи, в груди саднило, а в лицо ему смотрело дуло винтовки, вернее подрагивающий кончик отточенного ножа, закрепленного на нем.

– Пряма чувствую, что проблем с тобой огребу... – спокойно проговорил Басмач. – Проще тебя сразу шлепнуть. Кто у тебя там?

– Б-бес...

– Кто? – поднял бровь Басмач, которому луна сейчас почти в лицо светила. Из темноты снова послышалось громкое рычание и возня.

– Волк, – коротко ответил Назар, потирая ушибленную грудь.

– Тигров с носорогами нет? Ты, всех сразу представь, чтоб я попросту не тревожился. А то с тревоги уж больно метко стреляю. Учти это, пацан. – С этими словами бородач закинул винтовку на плечо. Пошарил в рюкзаке и вытянул палку.

Чиркнув зажигалкой, поднес к синему шипящему пламени промасленную ветошь – схватка в полной темноте с драконьими визгунами не прошла зря. Сунув горящий факел под навес сразу с порога, осмотрелся и присвистнул:

– Чего же ты, дурило двухметровое, лозохвата не порубал, жить надоело?

После душивших слез и обиды пришло возмущение:

«Чего этот лысобродый меня шпыняет?!» – вслух же ответил:

– Впервые слышу, – и рванул под навес. Но Басмач схватил его за плечо и почти отшвырнул от входа.

– То-та и оно, что впервые, – Басмач зашел внутрь и поднес плюющийся искрами факел куда-то под самую крышу. Послышалось шипение, треск.

– Лозохват, не то ожившая трава, не то разумная плесень... – Басмач жег пламенем корчащиеся от температуры побеги. – Хрен ее разберет. У тебя на шее, кстати, от нее след, любит она балбесов душить. Я посвечу, а ты освобождай своего кабысдоха. Его, поди, тоже спеленала эта пакость, а то давно б уже кинулся.

Послышалось глухое рычание.

– Да, блохастый, ты мне тоже не нравишься, – усмехнулся Басмач, поднеся факел чуть не к самой морде Беса, оскалившего зубы. Назар тем временем, прижав тонкую шипастую лозу сапогом, кромсал тугие волокна ножом. Басмач, наблюдавший за работой парня, заметил:

– Интересный ножичек.

– Метательный, – через плечо бросил Назар, закончив кромсать лозу.

Глава 4. Неприятный попутчик

Северный Кавказ, земля отцов, каменных башен и неприступных гор. Что может быть прекраснее глубоких, покрытых изумрудной зеленью ущелий? Здесь тысячи лет с высоких отрогов стекают величественные водопады, поднимая мириады брызг, и над каждым переливается всеми цветами радуга.

Чечня – это суровый край, где незыблемо стоят горные вершины. Великий поэт М.Ю. Лермонтов воспевал их красоту: «Ночевала тучка золотая на плечах утеса-великана», и это не фигура речи. Седые скалы горного края покрыты вечным белоснежьем и зачастую окутаны невесомой пеленой тумана.

Только здесь на клочке ровной земли, на невозможной высоте и страшной близости к обрыву с гремющей рекой, стоят боевые башни – б1ов. Сложенные из дикого камня, отесанные умелой рукой, возвышаются они четырехугольными неприступными столбами, с молчаливой силой Воина присматривая за подходами к селению. Башни помнят дикие орды Чингисхана, чеканный шаг легионеров Рима, громкий вой пушек генерала Ермолова. Они помнят многое.

Горная Чечня, это край жизни, где из голой скалы в сотне метров над землей, свисая с обрыва и цепляясь корнями, растет дерево. Край невероятной красоты цветущих лугов и звенящих ручьев, здесь нет чего-то лишнего. Камень, сброшенный копытом горного барана, сорвавшись с высокого отрога, и ветка бука, упавшая в лесу, все часть величественной мозаики под названием Кавказ.

Лишь здесь, гуляя узкими тропинками средь скал, бездумно поддев ногою камень, можно найти высеченный неведомым мастером узор. Их летопись никто уже не помнит, настолько древние они.

И где-то здесь, под сенью башен, в тихо опускающихся сумерках жмутся друг к другу дома из дикого камня. Под треск лучины, шипение керосиновой лампы или тарахтение старенького генератора, седобородые старцы передают мудрость внукам, рассказывая древнюю горскую легенду о Волчице.

Когда-то давно, в незапамятные времена, Создатель подарил людям землю и наказал жить, храня правду, честь, умеренность и чиня справедливость. Но люди забыли Его наставления, и Он разгневался.

Бедствия обрушились на неблагодарных людей, погрязших в пороках: жадности, властолюбии, похоти. Вознамерился Создатель очистить землю от неблагодарных и их скверны, наслал страшную бурю. Люди падали ниц, рыдали, жались от страха. Но только не волчица.

Вцепившись всеми четырьмя лапами в землю, волчица закрывала собой своих волчат, встретив гнев Создателя с гордо поднятой головой. И даже тогда, когда страшный смерч срывал куски кожи и мяса с ее спины, волчица упрямо стояла, а люди трусливо жались за ней.

Увидев, что на земле все еще есть сила, стойкость, храбрость и мужество, Создатель сжался и буря улеглась. Он сказал:

«Дарую вам жизнь, живите. Но не прощаю», – после чего Он отвернулся от земли.

Люди выжили, но не смогли вынести стыда за свое ничтожество и убили живой укор – израненную волчицу.

И с тех самых пор, волки жалобно воют по ночам, прося Создателя вновь обратить свой взор на землю и простить.

Костер дымил и стрелял искрами, сырые дрова ни в какую не хотели разгораться. Басмач снял свою насквозь промокшую кожанку и повесил на стену, зацепив за торчащую проволоку. Винтовку же поставил под рукой и, стянув кирзу, принялся неспешно разматывать портянки.

В и так не большом помещении, где двум мужикам и волку было тесно, к режущему глаза дыму прибавилось амбре от нестиранных портянок. Давно не стиранных.

Назар поморщился от дохнувшей в лицо вони, но промолчал.

– А хрен ли? – ни к кому не обращаясь, но будто оправдываясь выпалил Басмач. – Нормальных ручьев или рек давно не встречал, чтоб помыться по-человечески. Все загажено, отравла сплошная.

Назар обтер голову и шею от запекшейся крови и теперь, поминутно ойкая, прижигал порезы и царапины крепким самогоном.

– Ну, пацан, рассказывай, чё у тебя с Айдахаром приключилось. Ты, когда переклинило и реветь начал, что-то про сестру вроде говорил, – спросил Басмач, протягивая босые ноги к огню.

Назар, отвлекшись от обработки ран, сначала густо покраснел при упоминании, что разревелся – нервы как-то сдали. Но решил все рассказать.

– Так особо и рассказывать нечего. Я в отключке валялся, когда кто-то пришел, разворотил весь поселок, забрал сестру и других, а после уехал. И уже сильно потом меня вот Бесяра откопал. Я этого и не помню, – Назар заткнул пробку и вернул склянку со спиртным Басмачу. – Мне все старый знахарь рассказал, он, кстати, выходил насколько смог и в дорогу снарядил. Внучка у него там же с Майкой. Всех их забрали...

– М-да, паскудная история, – после минутного молчания поделился бородатый. – А знахарь, случаем, не сухонький старичок в войлочном кафтане?

– Похож. Встретил по дороге, в поселок зашел?

– Было дело. И понятно, отчего он себе половину башки снес.

– Как это?! – привстал Назар.

– Просто, – пожал плечами бородатый. – Сунул пистолет в рот и спустил курок.

Назар призадумался. Ему стало жалко старого знахаря с грустным взглядом:

– Хороший был человек...

– Наверное. Хорошие, впрочем, всегда уходят, они там, наверху, – Басмач ткнул пальцем в потолок, – нужнее. А вот всякое дерьмо внизу на земле остается.

С этими словами бородатый достал из рюкзака и разложил на полу кусок брезента, положил на него винтовку и стал разбирать.

– Пацан, а ты дробовик-то давно свой чистил и вообще из него стрелял, может негодное оно? Когда на тебя эти австралопитеки напали, я что-то стрельбы не слышал, – не отрываясь от чистки оружия поинтересовался Басмач.

– Не... Ружье не мое, знахарь подарил. Мои только ножи, шесть штук. Сейчас, правда, один остался...

– Да-а видел, как ты обезьяна в спину с двух шагов приложил, ага. По свету собрать только не забудь ножички, метатель, – хмыкнул бородач, осматривая и протирая тряпкой каждый патрон.

Назар насупился, но изображать обиду долго не получилось, приступ кашля согнул его пополам. Басмач покосился на него.

– А ножи кидать научил кто?

– Есть один человек, – ответил Назар, вытирая слюни с ошметками чего-то гнойно-зеленого. – Он хозяин цирка, Шимуном зовут. Верней я сам как-то научился, еще когда в бункере Академгородка жили, крыс заточенными штырями сбивал, жрать нечего было. В цирке уже правильно научился ножи кидать. Я с сестрой у него лет с шестнадцати, весь свет исколесили. Майка по канату ходит, жонглирует, я ножи в мишень кидаю, фокусы показываю.

– И где ж тот Шимун, чего вы с табором своим в этом мухосранске посреди степи позабыли? – Басмач отстегнул шомпол, намотал паклю и принялся чистить ствол.

– Долгая история... – сразу как-то сник Назар. Сам же подумал: «Если б не я! Не захотел я свободы от постоянных поучений Шимуна... Не оказались бы в степях и с Майкой не случилось бы!»

– Да! А волка-то где взял, в цирке что ли был? Если честно, впервые ручного волка встречаю.

Из угла послышалось глухое рычание. Бес прижал уши и, чуть оголив клычищи, снова улегся.

– Ты погляди, – усмехнулся бородатый. – Стало быть, вернул свое серое мнение в разговор.

– Нельзя, Бес! – скомандовал Назар волку и пододвинувшись ближе погладил лобастую голову зверя. Тот сразу как-то расслабился, заурчал и повернулся пузом, мол чеши, что Назар тут же и проделал.

«Ага, командует он, хрен там, – подумал Басмач, собирая винтовку. – Волк это тебе не собака». Вслух же спросил:

– Так волка-то где взял?

– Подобрал. Мы тогда в Самарской области гастролировали. Едем, значит, от деревни одной, слышу кричат, мол, волки, волки... Выглянул с обоза, а там гляжу, щенок у дороги длиннолапый вокруг волка мертвого крутится, пищит, мордой тычется. Шимун тогда застрелить Беса хотел, все равно, говорит, не вырастет, с голодудохнет. Это волчица в пыли там лежала с переломанным хребтом. А мне жалко доходягу стало, худой блохозавр был, голодный. Скулил жалобно. Это Майка, кстати, хозяйина уговорила щенка забрать, тот против был, мол, бед от него будет.

– Дай угадаю, – оживился Басмач. – А Бесом называли, что злющий был?

– Не-е, шкодливый, – улыбнулся Назар вспоминая. – На стоянке обязательно утащит чего, а после закопает. Или просто носится по табору, кидается вроде как загрызть, а после юлой за хвостом гоняется! Смешной был, когда маленький.

– Маленькие-то все смешные. А вырастут, так суки последние... – бурчал под нос Басмач, пытаясь вернуть на место газовый поршень. Когда наконец упрямая деталь заняла положенное место в механизме винтовки, бородатый со щелчком закрыл кожух газовой трубки, проверил спусковой механизм – оттянул затвор и вхолостую щелкнул бойком. Удовлетворившись результатом своих трудов, набил магазин патронами и примкнул к оружию. С отвращением посмотрел на узловатую веревку, пропущенную через антабки вместо добротного ремня, сжеванного драконьими визгунами, но что есть, то есть.

– Давай сюда свой карамульдук, парень. Техосмотр делать будем. – Отставив свою СВТ, принял от Назара древнюю двустволку. Долго рассматривал ружье в свете костра, покрутил его так и эдак, потер шершавым пальцем ржавчину у замка, почти слезшую позолоту, отомкнул стволы, рассматривая клеймо оружейника: «Меркель».

– Знахарь, говоришь, дал? Ну-ну. А я ведь когда-то знал хозяина этого ружьишка, до Напасти еще, в коллекции одной. Оно если хочешь знать парное, вот видишь цифра «2» на стволах? Во-от. А было еще ружье за номером «1». И принадлежали они последнему царю Российской Империи. А когда не стало империи и царя, то, по слухам, перекочевало к Владимиру Ильичу – вождю Пролетариата. И теперь его таскает самый что ни на есть пролетарий, то есть ты, пацан. Усмешка судьбы не иначе. Ох и загажено-то, – покачал головой бородач, рассматривая ржавчину в казеннике и стволах:

– Воронение не сберегли, золото поободрали. Ну хоть костяную мушку не сбили.

Назар слушал в полуха, ружье и его история как-то не интересовали. К оружию огнестрельному он особой любви не питал. Другое дело холодное, то бишь ножи и прочие колюще-режущие. Рассеянно глядя на пляшущее пламя, Назар вдруг подумал, что вдвоем легче будет

спасти Майку. Этот бородач хоть и странный, но явно Айдахара не жалует, а как учил Гена Степаныч из убежища: «Враг моего врага – мой друг».

Где-то за стеной протяжно завывли. Бес встрепенулся и оттерев Назара в сторону, вырвался к дверному проему. Постоял, а когда вой повторился, задрал морду к небу и хрипло завыв в ответ.

– Только дружков своих сюда не приводи, – проворчал Басмач, натирая стволы ружья шомполом. Вой на улице прекратился, Бес постоял еще немного и, фыркнув в сторону бородача, вернулся на прежнее место в углу.

Пока отбивался от ожившей лозы и кровожадных выродков, Назар еще чувствовал себя нормально, но ледяной дождь и валяние в полузамерзшей жиже вернули отступившую болезнь. Ему становилось хуже буквально на глазах. Жар нестерпимой волной опалил с ног до головы, а булькающий кашель скрутил, не давая вздохнуть.

Назар подкинул дров в костер и сел ближе, пытаясь согреть окоченевшие руки. Его тряс озноб.

– Э-э, брат, да ты поди же чахоточный... – с сомнением протянул Басмач, глядя, как еще минуту назад проворно скакавший пацан вдруг сник. – И на хрен ты мне такой сдался, бацилла.

– Мне бы отлежаться, – протянул Назар. – Приду в норму... – Приступ кашля не дал ему закончить фразу.

– Ну да. От звероловов или кто они там были, отбиться помог, но мне идти пора – конвой догнать. А проваляться ты хрен знает сколько можешь. Лекарства там есть какие?

– Были, отвар. Знахарь из стойбища в дорогу дал. Да только все пожитки с конем бешеным усаkali.

– Хреново. Знать сдохнешь. – Стволы ружья со щелчком встали на место. Басмач спустил курки, протер ружье промасленной тряпкой и бережно поставил рядом с винтовкой. – Послужит еще. Ты только в говне не валяй и чисти хоть иногда.

Чернота ночи давно перешла в серую хмарь, на горизонте забрезжил рассвет. Басмач замотал портянками ноги, с трудом натянул ссохшуюся кирзу ботинок. Напялил задубевший плащ, закинул рюкзак на спину и, подхватив СВТ, двинулся к выходу.

Назар же, сгорая от жара и трясаясь в ознобе, молча сгорбился у костра. Волк разлегся рядом, преданно глядя на хозяина. Бородач тем временем, собрав свои пожитки, вышел.

«Ну и хрен с тобой, вали. Торопится он. А я не тороплюсь что ли?!» – кашель снова дал о себе знать.

Оказавшись на улице, Басмач зябко передернул плечами не то от морозной прохлады, не то от того самого ощущения, когда на рассвете куда-то нужно идти, покинув теплый дом или шалаш... жилье в общем. Выходя Басмач не обернулся. Кто ему этот двухметровый кусок недоразумения? Правда далеко, где-то на недостижимой глубине под броней из пережитых лет, затаенной злобы и коростой равнодушия мелькнула мысль, что сделал он что-то неправильное.

«Неправильное? Возможно. В жизни много неправильного натворил, и кто знает, сколько еще натворю. У меня цель – найти выродка!»

Замерзшая грязь приятно пружинила под окованной подошвой, тонкие ледяные зеркала лужиц с хрустом сминались, выпуская с каждым шагом все еще жидкую грязь – осенние холода еще не вступили в свои права, летнее тепло покамест не отпускало. Басмач покрутил головой, жалея, что не разжился шапкой и посеял кепку.

Поросшие коричневой шерстью, одетые в подобие одежды из шкур тела валялись поодаль друг от друга: один с ножом левее хребта так и замерз мордой в луже. А вот второй глядел в светящееся небо маленькими мутными глазками из-под бруствера надбровной дуги. Плоский нос, сильно выпирающая, как у зоопарковой обезьяны, морда с торчащими клыками дополняли картину.

«Неандертальцы, бид аудалш³!» – сплюнул Басмач, обойдя смердящие тела по широкой дуге. Двое лежат и вряд ли куда-то убегут. Но следов в грязи явно на троих.

– Ах ты же Чингачгук очковый змей и хренов следопыт, третьего упустил! – корил себя бородач. Замерзшие в грязи отпечатки ног в самодельной обуви тянулись от места схватки куда-то за ленту дороги. Мохнатый явно торопился. Басмач пристально оглядел стоящий в отдалении лесок и противоположную обочину дороги густо растущий – палец не просу-нешь – частокол из разнокалиберных тополей довоенной посадки. Некоторые деревья, взломав асфальт, проросли чуть не на середине полотна.

Что сделано, то сделано, враг упущен. Махнув рукой в сторону убежавшего «неандертальца», Басмач пошел дальше.

След конвоя тянулся сначала по целине, и лишь сильно позже неведомый водитель все же решил выехать на старое полотно некогда асфальтовой дороги, соединявшей шахтерский город Риддер с промышленным Усть-Каменогорском.

Бетонные столбики в остатках бело-черных полос, обозначающие край дороги, на протяжении метров двухсот впечатало в обочину многотонной машины – водитель атомного тягача явно куражился. По асфальту было приятно идти, всегда б так, ни канав, ни рытвин.

Эти места Басмач прекрасно помнил. Где-то через километр еще тогда в мирное время стояла прямоугольная коробка автомойки, где чаще стирали ковры, чем мыли машины. И там же шашлычная. Настоящее придорожное кафе с настоящим шашлыком, растворимым кофе и теплым ноздреватым хлебом, который вот буквально из пекарни, пахший еще не выветрившимися дрожжами. Басмач сглотнул вдруг набежавшую от воспоминаний слюну.

Хотя по правде мясо в той шашлычной было хреновое, только собакам на прокорм.

У человеческой памяти и психики удивительное свойство со временем сглаживать углы. Выветривается из головы плохое, сублимируется, сепарируется и в сухом остатке в виде воспоминаний подается лишь что-то приятное, хорошее или просто положительное.

Басмач также помнил из прошлой жизни, что суть большинства придорожных рыгаловок-забегаловок одна: кинуть плошку чего-то вроде на первый взгляд съедобного перед усталым водилой, оттарабанившим пятнадцать-двадцать часов за рулем без остановок. Тому ведь много не надо, заглотил чего поставили, расплатился в три цены и поехал дальше.

От шашлычных мыслей отвлек цокот когтей по асфальту. Скинув винтовку с плеча и оттянув затвор, он приготовился стрелять. По дороге бежал волк. Басмач предположил, что это Бес, хрен их серых разберет на расстоянии. Метров за пятьдесят волк замедлился и уже шагом подошел вплотную.

– Чего прискакал, серый? – Волк конечно не ответил и уселся там, где стоял, вывалив красный язык. Басмач перестал целиться в зверя, но оружия не убрал, мало ли. Постояв на месте, развернулся и пошел дальше, не разговаривать же с животным. Волк кинулся за ним. Обогнав на несколько шагов, уселся прямо на пути. Басмач обошел сидящее животное, но Бес тут же вскочил и уселся под ноги, касаясь лапами кирзовых ботинок.

Волк его не пускал.

– Что же мне с тобой делать, серый? – Басмач опустил на корточки перед Бесом. Волк и человек смотрели друг другу в глаза. В животном мире глаза в глаза – это признак агрессии, зверь обязательно кинется. Но Бес не кидался. Он, опустившись на передние лапы, подполз вплотную и перевернулся на спину, подставляя незащищенные шею и живот. Басмач опешил, не ожидая от свирепого хищника такого: волк сдался. Бес принял позу подчинения перед вожаком стаи.

---

³ «Бид аудалш» – в переводе с чеченского «засранцы».

– Для тебя он так много значит, пацан этот? – покачал головой Басмач, став сразу же как будто старше, чем был. Бес перестал валяться в грязи и снова уселся на асфальт, старательно пряча взгляд.

– Да что же это такое?! – рявкнул Басмач, будто требуя ответа у окружающих деревьев, дороги. – Зверь о человеке больше заботится, чем другой человек! Куда на хрен катится этот мир... – и уселся рядом с волком, глядя на уходящую к Усть-Каменогорску ленту полуразрушенной временем и деревьями дороги. Долго усидеть не получилось, промерзшая земля не позволила. Басмач с трудом поднялся и закинул винтовку на плечо.

– Ну, чего расселся, волчара?! Пошли дуралея твоего спасать что ли. – Достав штык-нож, направился к ближайшему молодому тополю и сделал первый надрез. Сочная кора поддавалась легко, слезая длинными влажными и пахучими полосками. Настругав целую охапку, сложил все в рюкзак и шагом направился обратно к старому железному ларьку, в котором сгорал от простуды Назар, долговязое недоразумение. Бес двинулся следом.

– Не ссы, Бесяра, никому не расскажу. Можешь и дальше рычать при пацане. Кстати, забыл запросить, как звать-то его...

Глава 5. Мертвый город в устье каменных гор

Четырехугольная бревенчатая крепость Усть-Каменная была заложена по указу царя Петра Первого как южный форпост Российской Империи на месте слияния рек Иртыш и Ульба. Много позже, почти через сто пятьдесят лет крепость стала промышленным во всех отношениях городом Усть-Каменогорском. Через двести девяносто лет пришла Напасть. И вот Басмач возвратился в родные края. Он не был здесь долго, слишком долго.

Взломанное порослью тополей шоссе изогнулось крутой дугой поворота, пока наконец не уперлось в знак «Оскемен» на казахском. Радиоактивные, кислотные, да и просто – обычные дожди почти смыли бело-черную надпись, оставив лишь ржавый прямоугольник, на котором буквы читались только по старой памяти. Много ли осталось тех, кто помнил стародавние указатели? Но Басмач помнил. Да и как забудешь, если ты здесь родился.

Басмач остановился перед указателем и той невидимой границей, отделявшей остальной мир от мертвого города. Назар и Бес остановились рядом. Назар хотел было спросить, чего они ждут, но не спросил, бородач, как-то странно усмехнувшись, пошел дальше.

Город начинался не сразу за знаком, дорога тянулась еще метров на двести, прежде чем справа появилась давно сгоревшая заправка и с десятков скученных автомобилей, основательно запрудивших дорогу. Правда для конвоя Айдахара это не стало преградой, могучая техника без труда растолкала ржавые остовы легковушек.

«Ну, здравствуй, Устькаман. Давно не виделись», – подумал Басмач, но вслух ничего не сказал. Зачем? Пацан, семенящий рядом, все равно не поймет, его домом было сырое подземелье, а воспитателем голод и нужда. Назар никогда не имел дома, не жилища из стен, дверей окон и крыши, а именно Дома, Очага. Вот волк бы, пожалуй, понял, умеет он говорить, но он не умел. Потому Басмач молчал и шел, не забывая, однако, зорко приглядывать за обстановкой. Это в поле можно заметить, скажем, крадущегося гигантского варана, еще в довоенные времена бывшего не маленьким, или кровожадных буренок, в одночасье ставших из травоядных совсем даже плотоядными. Нонсенс конечно, однако факт: одичавшая корова стала пугающей стаи волков. В городе же опасность за каждым бордюром и каждым углом. Не зря самые тяжелые бои в истории войн именно городские.

После сгоревшей АЗС и полуразвалившегося не то автосервиса, не то автомойки обозначился перекресток. Глубокая колея от колес и траков, продавившая растресканный асфальт сантиметров на пять, не меньше, заложив крутую петлю, попутно снеся приличный отрезок бетонного забора и угол придорожного магазинчика под истлевшей, и еле читаемой вывеской «Аскар», уползла налево. Оно и понятно – впереди мост. Самый обычный автомобильный мост, раскинувшийся над железной дорогой и не рассчитанный на стального монстра вроде АСКВ-50. Железнодорожный вокзал «Защита» должен был находиться чуть впереди и справа...

«Интересно, а паровоз успели установить?» – Басмачу, сто лет не бывавшему в родном городе, стало до ужаса интересно, что же изменилось за время его отсутствия. Усть-Каменогорск он покинул задолго до начала бомбардировок. И вот когда-то он слышал новость, что на станции «Защита», прямо напротив вокзала, власти хотели установить памятник, а именно самый настоящий паровоз с водяным котлом и прочими свистелками эпохи паровых машин. Басмачу думалось, что возможное будущее человечества связано именно с пытящими, изрыгающими струи раскаленного пара и копотью угольной сажи монстрами. А нефть пока для человека не доступна и вряд ли станет доступнее с годами.

Но Басмач не пошел по следу конвоя, а направился прямо к мосту под карканье жирных черных ворон, устроивших гнездовища в кронах вездесущих тополей. Город вообще весь засажен тополями, ведь некогда считалось, что загрязненный выбросами металлургических

производств воздух так будет очищаться. А тополь очень неприхотливое дерево в отличие от березы или клена, знай только сажай.

Назар недоуменно посмотрел вслед Басмачу.

– Конвой свернул туда! – крикнул Назар в спину удаляющемуся Басмачу.

– Я знаю, – коротко ответил тот, впрочем, не сбавив шага и не обернувшись. А беснующиеся вороны с граем перелетали с дерева на дерево, провожая мужчин и волка недовольными возгласами – теперь это их дом и люди здесь были совершенно чужие.

– Стой, – не унимался Назар, повысив голос. – Нужно идти по следу Айдахара, мы шли так по степи, должны идти и сейчас. Иначе потеряем его! – Парень прибавил шагу, хотел было схватить Басмача за плечо и даже протянул руку, но ухватившись за воздух, чуть не полетел кубарем на густо загаженный черно-белым птичьим пометом асфальт. Сапоги заскользили в жиже, но упасть Назару не позволил Басмач, ухватив за рукав. Свежая порция фекалий с влажным «шмяк» тут же шлепнулась неподалеку.

– Идти след в след, возможно, и стоило в степи, но теперь мы в городе. В чистом поле хоть боком кататься, – терпеливо пояснял Басмач, брезгливо вытирая голову тряпкой от долетевших брызг. – В городе такие маневры конвоем заказаны. И... и я догадываюсь, куда рвется наш дракон. Мы срежем путь.

– И куда? – прищурился Назар.

– Не знаю, – коротко ответил бородач. – Дойдем, поглядим.

– Здорово... – всплеснул руками Назар. – Еще заблудиться не хватало! И почему ты сказал «дракон»?

– Я не обещал тебе всех ответов. Мне помнится, я вообще ничего не обещал. Есть идеи получше? Нет? Значит, идем вперед, – отрезал Басмач. – А «дракон», потому что айдахар в переводе с казахского означает «дракон». Не жуй сопли, пацан, идем. Тебя это тоже касается, блохастый, – он покосился на прикорнувшего волка.

Загаженный воронами перекресток и вездесущие тополя остались позади. Впереди показался еще один перекресток, и горбатый мостик через железную дорогу: налево – тянулись узкие улочки полуразвалившихся частных домов. Направо дорогу уже подпирали многоквартирные высотки, впрочем, в памяти они остались такими же и почти не изменились. Только крайний дом – восьмизэтажка из красного кирпича, будто накренился во двор.

Каждый шаг в полной тишине мертвого города казался оглушающим. Первоначальное волнение Басмача от встречи с городом юности сменилось тревогой. Пусто. Мертво. Он краем глаза следил за Назаром и видел, что и ему неуютно здесь, хотя, возможно, пацан просто боялся. В полную пустоту городских закоулков бородач кстати не верил, разные твари как о двух, так и о четырех ногах любят такие места.

– И все же, – не выдержал молчания Назар. – Почему прямо?

– Так. – Басмач остановился и повернулся к Назару: – Договоримся на берегу: идти тихо, глупых вопросов не задавать, не орать, не бегать, не стрелять без надобности. Здесь что угодно может прятаться в любом подвале и за каждой легковушкой. Теперь насчет прямо. Я не знаю, чем думал водила автопоезда, зарулив в город именно по этой дороге, но здесь сплошные мосты. Они и раньше на ладан дышали, а после двадцати лет и подавно от плевка могут разрушиться. Понимаешь?

Назар хотел ответить, но Басмач перебил:

– Не понимаешь. Айдахар поехал налево, потому как в объезд. Там тоже мосты, но возможности их объехать больше – промышленная зона, пустыри и могильник, кстати, радиоактивный там же. Его, поди, дождями давно размыло и фонит так, что яйца сразу в курах вариться должны, вкрутую и вместе с курами. Хошь, чтоб у тебя яйца нежно-зеленым светом в ночи светились? Нет? Вот и я нет. – Басмач с тоской посмотрел в сторону железнодорожного вокзала

и предполагаемого памятника паровозам, но это лишний крюк в пару километров. Вздыхнув, он потопал на мост. Волк вырвался вперед.

Бес, дойдя до середины моста и оказавшись в самой его высокой точке, просунул морду между стальными заскорузлыми от ржи перилами и глухо зарычал. Басмач засек какое-то движение внизу и тут же присел, укрывшись за оградой. Его примеру последовал Назар: на путях, между застывших навсегда вагонов, раздвигая заросли бурьяна, неспешно прогуливались...

«Ни хрена себе...» – подумал Назар, глядя на трех непонятных тварей, похожих на мохнатых и очень больших пауков на четырех длинных суставчатых ногах.

Басмач приготовил винтовку, рассматривая мутантов поверх ствола. Один из «пауков» прогулочным шагом, даже не замедлившись, шагнул на открытую платформу вагона. Деловито обшарив темно-коричневую паутину, которой была увита трубчатая конструкция железнодорожного крана, «пауки» один за другим залезли на крышу вагона-рефрижератора и отправились в сторону локомотива, откуда и пришли.

Только когда последняя мохнатая фигура скрылась за нагромождением железа, Назар понял, что все это время не дышал, и наконец сделал вдох-выдох. Бес расслабился и, будто подавая личный пример, отправился по мосту дальше. Басмач не торопился, мало ли кто еще откуда вылезет? Но никто не вылез, только обрывок гигантской паутины слегка развевался на торчащей стреле крана.

– Пацан, – позвал Басмач громким шепотом, – не поднимайся в рост, прячься за перилами, на полуприсяде. Эти падлы не просто так сюда пришли, видно на запах или звук.

На другой стороне моста все пространство до разъезда в форме буквы «Т» оказалось запружено автомобилями, что не дало им подняться выше, не понятно. Во многих водители, ставшие иссохшими и обглоданными скелетами, все еще сидели в креслах, сжимая руль костяшками пальцев. В самом начале подъема стоял совсем целый автобус, битком забитый истлевшими мертвецами.

Басмач, прячась за легковушки, приблизился к автобусу. «Икарус», почти полностью облезший и ставший древним задолго до бомбежки, выглядел нетронутым. Стекла на месте, двери заперты. Только внутри все скелеты сгрудились у выхода, но не вышли. Не смогли. Басмач предположил, что задохнулись. В этом районе помимо заводов и более мелких производств полно промышленных холодильников с аммиаком в качестве хладагента. А еще в паре километров район «Нефтебаза», прозванный так именно потому, что там располагаются хранилища, огромные цилиндры цистерн с кислотами, химией, горючим. Вернее, емкости-то остались, а вот прочие бензин-керосин-солярка уже навряд ли.

«Когда по городу жажнули, видать, какая-то химия растеклась. Может химией и жажнули?» – размышлял Басмач, глядя на маленький скелетик, прижавшийся к стеклу передней двери «Икаруса». На душе сразу же заскребло, но Басмач усилием воли загнал то, что пыталось пробиться наружу – сантименты сейчас совсем ни к чему. Бдительность и осторожность – это главное. Да, еще за этим недоразумением приглядывать, еще чего убьется...

Назар тем временем разглядывал автомобили, стоящие бесконечной вереницей. Некоторые проржавели настолько, что чуть ли не рассыпались в труху. Другие же выглядели может и грязными, но совсем не тронутыми временем и погодой. По рассказам Гены Степаныча на таких вот штуках, красивых и блестящих, когда-то все ездили на поверхности. Он даже как-то показывал фильм про «гонки», где много машин ездили по кругу, чтобы стать первой. Это казалось тогда глупым, и Назар не понимал: зачем становиться первым? Старый учитель так и не рассказал, зачем люди так поступали, лишь только пробурчал себе под нос непонятное «с жиру бесились» и принялся разбирать самодельный проектор, чтобы его не увидели при очередном обыске зрители убежища. Хотя проектор и катушку с лентой все же нашли и Гену Степаныча выгнали из бункера на поверхность. Ходил слух, что по доносу.

Но машины из фильма и те, что стояли на мосту, не походили друг на друга. Последние были явно крупнее, больше железа и стекла. Внимание Назара привлекла одна, блестящая на солнце, и голубого цвета. Она была по-своему не приметна и потому бросалась в глаза. Простежив, что делает Басмач – тот тоже что-то рассматривал в сторонке, – Назар стер грязь с бокового стекла и заглянул в кабину.

Впереди сидели два скелета в когда-то пятнистой, а сейчас совершенно сгнившей одежде, напоминавшей форму зрителей убежища Академгородка. Назар прильнул к горячему от солнца стеклу, чтобы все рассмотреть. Вдруг у них есть оружие, как и у зрителей? Обойдя машину сзади, Назар оттер грязь и какие-то рыжие пятна с большого окна: из-под истлевшего тряпья торчала знакомая рукоять, вернее «рожок» магазина.

У Назара загорелись глаза:

«Автомат. Автомат – это сила!» – он помнил, что таким оружием в убежище вооружали только личную гвардию директора и его зама – профессора. Старшие и младшие научные сотрудники, их семьи по праву происхождения ходили только с пистолетами. А у зрителей к пистолетам иногда добавлялся короткий дробовик.

Назар обшарил пальцами стык крышки со стеклом. Она несомненно открывалась, судя по петлям наверху. Можно разбить стекло, но Басмач запретил шуметь. Да и твари, только что бродившие внизу под мостом, могли сбежаться на звон. Назар оглянулся на бородача, не смотрит ли он. Нет, рассматривает что-то вдаль.

Внимание привлекла небольшая выпуклость чуть ниже кромки стекла, круглая кнопка как на шкафчиках для личных вещей. Только там нужен был ключ. Назар оттер налипший мусор, на солнце блеснуло, и точно, прорезь для тонкого ключа.

Солнце очень уж припекало, и Назар совсем сошел под войлочной курткой. Вытерев рукавом пот со лба, он нажал кнопку замка – вдруг не закрыто? Блестящий кругляш с чуть слышным хрустом провалился внутрь и ничего не произошло. Убрал палец, кнопка снова вернулась. Достав нож, попробовал подцепить край железной рамки, просунуть тонкий клинок между железом и стеклом – не получилось. Вернее, зазор позволял засунуть нож, но мало, лишь самое острие. А ломать оружие Назар не хотел. Ковырять замок было так же бессмысленно, потому, сгорая от нетерпения, с размаху саданул по кнопке рукоятью ножа.

Громко щелкнуло, часть корпуса вместе со стеклом чуть приподнялась.

Назар обрадовался. Он даже представил, как удивится Басмач, увидав в его руках самый настоящий «калаш», а не стародавнее ружье непонятных царей. Закусив от нетерпения губу, Назар рванул дверцу со стеклом вверх. С громким хлопком стекло рассыпалось на мелкие кусочки. От неожиданности Назар пригнулся, и вовремя: сверкнув на солнце, нечто просвистело над головой и с пронзительным звоном брякнулось где-то позади.

Басмач обернулся на шум: этот двухметровый недотепа сидел на корточках у синего универсала, вжав голову в плечи, усыпанный осколками сталинита.

«Ну что ты будешь делать?!» – отборные ругательства только зарождались в горле, чтобы выплеснуться наружу, как где-то в стороне послышались протяжные вой и уханье. И звук приближался.

Сверкнув глазами, Басмач скомандовал растерянному Назару:

– Беги! Хрен ли встал! – Выволочку он решил оставить на потом, если это «потом» конечно еще будет. Назар, выхватив из тряпья свою находку, кинулся следом за бородачом. Он тоже услышал приближающийся вой.

Басмач первым добежал до конца моста и закрутил головой по сторонам, решая куда бежать.

Налево, насколько он помнил, дорога тянулась километров на пять-шесть и выходила как раз на проспект Ауэзова, что пересекал промышленную часть города чуть не до самого моста на район «КШТ». Удобно, что ни говори, вот только метров через пятьсот, где над подъемом

в гору виднелась крыша сборочного цеха местного Автоваза, между домами, разросшимися деревьями и покосившимися фонарными столбами была натянута та самая коричневая паутина. Ни пройти, ни проехать, от самой земли все оплетено.

Громко бухая сапогами, размахивая автоматом и придерживая ружье, неся Назар. А за ним, вскидывая коленчатые ноги и шутя перемахивая машины, бежал паук. Басмач вскинул винтовку и, совместив мушку с волосатой страшилой, почти настигнувшей парня, дважды выстрелил.

Назар решил, что Басмач стреляет в него, если бы не визг и грохот, раздавшиеся за спиной. Он обернулся: получив свою порцию свинца, мохнатый паук запутался в ногах и рухнул кубарем в гущу легковушек. На мост через перила запрыгнуло еще двое мохнатых. Но они были еще далеко, потому, не сбавляя темпа и радуясь своему приобретению, Назар рванул вслед за Басмачом.

Волк, высунув язык, бежал впереди, вдруг петляя и поворачивая по немощенной улице частного сектора в совсем неожиданные проулки. Басмач хотел было двинуться по своему маршруту, но Бес дважды преграждал путь и хватал зубами за штанину, увлекая за собой. Свернув за угол не то гаража, не то сарая, следуя за волком, Басмач остановился. Справа и слева заросшее сухой травой по пояс пространство зажимали строения и высокие заборы, а впереди стена. Тупик. Топот и вой тем временем приближался, мохнатые пауки вот-вот должны были показаться из-за угла, они явно не собирались бросать ретивую добычу.

Волк, вынырнув из бурьяна, вопросительно посмотрел на мужчин и, вильнув хвостом, снова исчез в травяных зарослях. Призывное тьяканье Беса слышалось уже издалека. Схватив Назара за лацкан куртки, Басмач бегом ринулся в заросли, протоптав широкую тропинку в сухостое. Впереди дорогу преграждала вовсе не стена, как показалось сначала, а штакетник, оббитый то ли жестью, то ли листами поликарбоната высотой в полтора роста.

Встав к забору вплотную, Басмач скинул свой рюкзак и перебросил через преграду. Упал на одно колено, сцепил руки в замок и скомандовал:

– Прыгай! – видя, что Назар растерялся, рявкнул во все горло: – Ногой упрись, подброшу, утырок ты хренов! Сдохнем щас!

Назара словно как плеткой стегнули. Отставив двустволку к стене, он быстро уперся правой ногой в сцепленные руки бородача. Басмач, «хекнув», рывком выпрямился, перебросив его через преграду. И вовремя.

Два паука разошлись в разные стороны, держась ближе к стенам строений, стали неспешно приближаться. Басмач понял, что они его опасаются. Чувствуют свою силу, понимают, что никуда не денусь, но опасаются.

– Что, падлы, разумные что ли? – оскалился Басмач. Приближающаяся смерть в жвалах, зубах или что там у этих тварей есть в пастьях, будоражила. Опасность с осознанием того, что враг тебя боится, это почти победа.

Басмач не торопился. Мысли в голове обрели кристальную ясность:

«Успею выстрелить, но только один раз. Второй паукан явно такого фортеля не допустит, прыгнет». Пауки меж тем будто красовались, позволяя себя рассмотреть, как следует: ростом явно выше Басмача, лапы-ноги не очень и тонкие, скорее мускулистые. Головы без шеи, растут сразу из плеч. И глаза, крупные, но глубоко посаженные по бокам округлой головы, чтобы лучше видеть. Ну и пасть конечно. Зубастая с текущими слюнями. А все вместе просто обрубок торса на четырех длинных лапах!

«Да ни хрена вы не пауки. Скорее гориллы, которые долго бродили по колено в кислоте и отходах, а после взяли и мутировали!»

– Эй, Басмач! Подпрыгни, я тебя вытащу! – слышалось из-за забора.

– Ма е г1овг1 сун!⁴ Сам разберусь, – рыкнул Басмач, путая языки, а сам отметил:

«Не ушел, не убежал, хотя мог. Нормальный парнишка, все же. Не зря его волк так любит, душу видит».

Больше нельзя ждать. Хлопнул выстрел. Паук, кравшийся справа, получив пулю в брюхо, как-то совсем человеческим жестом схватился передними лапами за рану и рухнул в бурьян. Второй же такой оплошности не допустил и с рыком прыгнул. Басмач успел развернуться всем корпусом к летящему хищнику и даже спустить курок, но удача отвернулась, вместо выстрела раздался сухой щелчок.

«Выставить вперед винтовку, метя жалом штыка в голову грудью паука, присесть, упереть приклад в землю...»

Жирная туша гориллы-паука с хрустом насадила себя на винтовку, и суча лапами буквально погребла Басмача под собой!

Отчаянно матерясь, злой, перемазанный в дерьме и кишках Басмач вылез из-под туши, и с чувством принялся пинать издыхающего паука:

– Гребаный экибастуз! – Удар. – Где, сволочь ты мохнатая, я буду мыться, воды нет?! – Еще удар. – От тебя же воняет, как от протухшего ишака! – Выдохшись, с трудом перевернул издохшую тварь и выдернул изрядно потрепанную СВТ.

Приклад лопнул и разошелся вдоль на две части. Содержимым кишечника мутанта забило решетчатый кожух газовой трубки и затворный механизм. Но это была лишь половина беды: от чудовищной нагрузки согнуло ствол. Теперь если и можно стрелять из винтовки, то только себе под ноги.

---

⁴ «Не шуми мне!» – перевод с чеченского.

Глава 6. Черные патрули

Атомоход сухопутный, колесный, вездеходный с транспортируемой атомной электростанцией с суммарной мощностью 50 МВт, (сокращенно АСКВ-50), дальнейшее развитие проектов передвижных атомных станций типа ТЭС-3 и «Памир».

Представляет собой бронированный подвижный состав из десяти – двенадцати вагонов на колесно-гусеничном ходу, три из которых составляют ячейки атомной электростанции.

Вооружение: платформа с пушкой-гаубицей калибра 100 мм; две автоматические зенитные установки ЗУ-23-2 калибра 23 мм. Вагоны (включая головной локомотив) оснащены поворотными башнями БТР-80 со спаренным пулеметом калибра 14.5 КПВТ и 7.62 ПКТ.

Личный состав: обслуживающий персонал 60 человек, гарнизон до 150 солдат.

Скорость передвижения по пересеченной местности до 40 километров в час. По грунтовой дороге, дороге с твердым покрытием до 60 километров в час. Ввиду большой массы передвижение по дорогам общего пользования не предполагается.

Энергетическая установка: два вода-водяных реактора типа КЛТ, с установленной электрической мощностью по 25 МВт каждый.

Срок службы – 30 лет. Цикл замены активных зон реактора – 10 лет.

Выдержка из докладной записки «Лаборатория В» при ФЭИ.

Сов. Секретно.

Отпечатано в двух экземплярах. Выносу не подлежит.

День давно перевалил за середину. Басмач, целя из двустволки, ввалился в чей-то гараж: стальные ворота, железная дверь второго выхода, отличное убежище. Назар, тащивший рюкзак бородача, вместе с волком зашел следом. Внутри пыльно, завалено хламом, но сухо и на первый взгляд безопасно. Басмач оттолкнул замешкавшегося Назара, притянул ворота, чтобы закрыть на засов, но те не поддались, время и ржавчина брали свое. Пошарив в хламе, Басмач выудил длинный штырь и заклинил им вход, продев в проушины засова.

Отставил ружье, забрал свой рюкзак, бросил рядом и уставился в лицо Назару, шумно выдыхая мясистым носом. От бородача нестерпимо несло мертвым пауком, и парень попытался отодвинуться. Бородач не позволил: упруго ударил Назара ладонью в грудь.

Назару это не понравилось, он попытался оттолкнуть Басмача в сторону, но тут же снова получил ощутимый тычок в грудь.

– Это что было?! – рявкнул Басмач, забрызгав слюной Назару лицо. – Да мы бы там передохли, а могли ведь просто пройти. Понимаешь?! Просто! Пройти!

– Вот... – протянул свою находку. – Автомат нашел! – победно выпалил Назар, ожидая, что же скажет он в ответ. Подумать только, целый автомат!

Басмач вырвал из рук «ксюху», оглядел так и эдак. Его лицо пошло пятнами, желваки заходили. Назар решил было, что бородача хватит удар, очень уж он изменился в лице. Даже злорадно подумал:

«Что, съел, гад!» – Назар наконец отлип от гаражных ворот, и, победно задрав подбородок, глянул на Басмача в упор. Бес сидел в углу и молча смотрел, не вмешиваясь в беседу.

Басмач рассмеялся. Он натурально заржал, хватаясь руками за живот. Сквозь душивший смех бородач что-то пытался сказать, но у него не получалось, выходили только похрюкивания. Назар стал заливаться краской, сам не понимая от чего. Лицо просто горело. Он был в недоумении, от чего так рассмеялся бородач, от находки?

Басмач тем временем, закончив упражняться в смехе, швырнул АКСУ обратно ничего не понимающему Назару и повалился на кучу из пыльного тряпья.

– Сталкер, твою мать, поисковик хренов! – вытирал проступающие слезы Басмач. – Ой, посмешил старика, чего уж сказать. Ты хоть знаешь, что это? – обратился он к Назару.

– Автомат, – ответил он, растерянно разглядывая свою находку.

– Да ну? Выкинь этот автомат. Не оружие это... Умора.

– А что тогда?.. – Назар глупо уставился на укороченный вариант автомата Калашникова в руках.

– Что? Игрушка, вот что. Было время, зажавшиеся менеджеры играли в войну. Доигрались уроды...

Таким оплеванным Назар себя не чувствовал... Да, никогда! Покачав в руке бесполезную игрушку, он бросил ее в кучу мусора и уселся там, где стоял.

– М-да. Но это не проблема. Проблема в том, что винтовка приказала долго жить, – озабоченно вздохнул бородач. – С твоей пукалкой двенадцатого калибра мы много не навоюем, случись чего. Дробовые патроны, десяток... Подбегать к паукам и долбить их дуплетом в упор? – поднял бровь Басмач. – Сложный вариант самоубийства.

Все разошлись по углам и занялись кто чем. Басмач снял изгаженный плащ, нацедил в подвернувшуюся тут же консервную банку воды, плеснул туда самогона и горсть золы. Получившимся мыльным раствором принялся мыть лицо и руки, бурча что-то нечленораздельное себе под нос. Назар все так же сидел на старом тряпье, насупившись, чувствовал себя идиотом из-за игрушечного автомата и думал о сестре, о том, что время уходит, а они застряли не пойми где. Только Бес улегся у входа, положил голову на лапы и закрыл глаза, лишь время от времени прислушиваясь к тому, что творилось снаружи, шевеля ушами.

Тишину нарушил Басмач, закончивший умываться и теперь оттиравший кожанку куском тряпки:

– Переждем здесь, скоро стемнеет, не будем соваться в город. Доставай пожрать, пацан, – бородач кивнул на свой рюкзак.

Назар нехотя встал и принялся тормошить рюкзак.

– На, руки что ли помой, – Басмач подвинул банку с раствором. – А то от дизентерии какой подохнешь. – Волк, завидев, что дело к еде, поднялся и увлеченно стал наблюдать за манипуляциями Назара.

– Что, блохастый, – подмигнул волку Басмач. – Жрать хочешь? Пацан, барбоса не забудь, он заработал.

И тут же с сожалением добавил:

– Жратвы мало осталось, воды и того меньше... Так что, экономнее.

Полоска света, пробивавшаяся с улицы через не плотно закрытые ворота, сдвигалась к противоположной стене. На свету плясали свой танец пылинки, пока наконец свет не потускнел, а затем вовсе исчез. В старом гараже с единственным окном из двух стеклоблоков совсем стемнело.

Басмач, посасывая на манер сигары полоску сушеного, круто посоленного мяса, увлеченно шерстил запасы неведомого хозяина. Получалось не густо: куча покрытого ржой инструмента вроде ножовок, ключей, отверток и стамесок; две бутылки с чем-то застывшим почти до состояния смолы, на поверку оказавшимся машинной смазкой. Были и бесполезные автозапчасти, и бесценный электроинструмент – дрель, и куча свёрл, что можно загнать за много патронов на ближайшем торговще.

Басмач лелеял надежду, что владелец гаража до Напасти был охотником, но надежды не оправдались, максимум рыбаком. Рыболовных снастей обнаружилось прямо завались. Помимо непонятных склянок с давно высохшим содержимым, нашелся полиэтиленовый сверток. Развернув бесконечные складки промасленной бумаги, Басмач наткнулся на совсем древние, еще советских времен полотна для ручной ножовки по металлу. Длинные, узкие, с мелкими

зубьями полоски серого цвета, когда-то прозванные «польские»... В голове Басмача забрезжила идея.

– Пацан, на вот, замажь окно этим, – и протянул бутылку с машинным маслом. – И вход тряпкой завесь, чтоб свет наружу не пробивался. – А сам аккуратно очистил верстак у стены от наваленного хлама, отбросил связки стародавних журналов «Огонек». Выудил из кучи инструментов ножовку с заржавленным полотном, очистил и закрепил новое, «польское».

От души плеснул самогона в высокую банку из-под кофе и натолкал в нее туго скрученные журналы, лишнюю бумагу, торчащую из емкости, срезал ножом. Спиртное быстро пропитало сухую и ломкую бумагу. Чиркнул колесиком бензиновой зажигалки, и самодельный светильник-примус взялся ровным голубым пламенем почти без дыма. Изувеченная винтовка легла на верстак.

К полуночи, когда Назар и Бес в полглаза уже дремали, Басмач держал в руках порядком укороченную СВТ, со спиленным по самый газовый регулятор стволом, без газовой автоматики заряжания, без кожуха и деревянной накладки поверх ствола. И без прицельных приспособлений типа «мушка», штык-нож пришлось примотать к стволу. Получился совсем уж кастрированный вариант однозарядной винтовки Мосина с прикладом, перемотанным проволокой.

Оглядев со всех сторон свое детище, Басмач затушил самодельную лампу и, накинув плащ, сел у стены. Пока работал, было тепло, но теперь осенний морозец ощущался явственно. В темноте гаража слышалось сопение волка да тихое бормотание Назара. С улицы время от времени доносились непонятные шорохи, скрип, свист ветра. Однозначно, снаружи кто-то был. Опасный? Пауки желают мести за убитых товарищей? Вполне возможно. Следовало держать ухо востро.

Взошла луна. Бледный свет едва проникал через замазанное старым маслом окошко. Басмач очистил окно, сразу стало светлее. Чтобы не уснуть, выудил все патроны из котомки Назара, и нарезав куски свинца со старого, по самые уши заросшего окисью, автомобильного аккумулятора, принялся скатывать плоскогубцами самодельную картечь. О снайперской стрельбе речи конечно не идет, но всяко лучше утиной дробью. А за стеной точно кто-то был. Он хрустел стеблями сухого бурьяна, брямкал старой жестью, шумно, с хрипом выдыхал морозный воздух и пару раз проскрежетал по железу входа. Когтями? Не исключено. Незваного гостя слушал, как оказалось, не только Басмач. Волк, казавшийся спящим, пристально вглядывался угольками глаз в просвет неплотно закрытых ворот.

Где-то далеко, знакомо зауhalo: ду-ду, ду-ду-ду. Направление из гаража определить конечно невозможно, но очень и очень похоже. Залп из спаренной зенитной установки спутать трудно. Раскаты грома от стрельбы из ЗУ23-2, и треск РПД тревожили ночные окрестности довольно долго. Зато ночной гость ушел. Видимо, стрельба привлекала местных монстроуродов, а, может, и пугала. Кто знает.

«А ты здесь, Айдахар. Я знал – тебе что-то нужно, ты ищешь», – невесело усмехнувшись своим мыслям, Басмач погрузился в тревожный сон. Только Бес, сверкая глазами в темноте, пристально охранял вход.

Утро выдалось хмурым и морозным. Тяжелые тучи, собравшись в сплошную клочковатую пелену, опустились над городом. Погода недвусмысленно обещала дождь. Басмач и Назар, споро собрав пожитки и доев остатки мяса, покинули приютивший их гараж.

Назар во время сборов и завтрака молчал. А когда вышли на проселок, по грудь заросший порослью березы и непонятных кустов, так вообще брел понуро, как в воду опущенный. Басмач нет-нет поглядывал на своего спутника, и он ему категорически не нравился. В таком опасном месте, как город, нужно глядеть в оба глаза и на все триста шестьдесят градусов. Нет, такой Назар Басмачу совсем не нравился, того и гляди в яму провалится и ноги переломает.

– Я, похоже, Айдахара слышал, – нарушил молчание Басмач, обходя стороной полузанесенную землей крышку колодца. – Кто-то неподалеку, в городе, сажил из зенитного пулемета... Он это был, больше некому.

Назар от этой новости, и правда, как-то приободрился, весь подобрался, движения стали резче. Басмач лишь усмехнулся в бороду и продолжил идти.

Город казался мертвым. Частные домишки, с повалившимися заборами, заросшие по самые окна бурьяном. То тут, то там шиферные крыши, сорванные ветром, украшали собой дворы. Нанесенный ветрами мусор, ветки, проросшая сквозь асфальт трава и деревья. Автомобили, навсегда застрявшие у обочин и посреди дороги. Тишина. Лишь хрустит под ногой опавшая с тополей листва, но это ненадолго, с неба брызнули первые капли дождя.

Басмач не верил обманчивому запустению, постоянно чувствовал спиной чей-то жадный взгляд, и не один. Если даже в трупe вчера издохшей лошади полно жизни, червей, например, то в Усть-Каменогорске, опустевшем двадцать лет назад, когда с неба с воем посыпались бомбы, и подавно. Не-ет, город слишком уж хотел выглядеть безжизненным. Мутные окошки кирпичных развалюх, подслеповато следившие за каждым движением чьими-то глазами, были тому подтверждением.

Бесконечная паутина Автогрейдерной, Ленинагорской и прочих улиц осталась позади, Назар и Басмач с вездесущим волком оказались на широкой, по три полосы в каждую сторону дороге. Проспект имени Ленина, название улицы, пожалуй, самое распространенное на территории бывшего СССР. Усть-Каменогорск не стал исключением.

Одна из главных дорожных «артерий» города на удивление не оказалась запруженной машинами, напротив, их тут почти не было. Только трамваи, эти семидесятитонные красные коробки, с широкими стеклами окон, и обрывками проводов, свисавших с опор, навечно замерли на путях в обоих направлениях. Вместо испуганно жмущихся друг к другу самостроек, проспект с обеих сторон подпирали высотки жилых домов и стеклянные новостройки торговых центров. Светофоры, загаженные птицами, поросшие неведь откуда взявшимся мхом, все еще висели на перекрестках, ожидая, когда же по проводам заструится ток, а по дорогам вновь, чадя дымом и сигнала, поедут автомобили. Но скорее всего уже никогда.

Проспект не вилял из стороны в сторону, а простирался почти строго по прямой, время от времени пересекаемый проулками и перекрестками. Идти было легко, знай только обходи подозрительно вздыбившийся асфальт, будто грибы вот-вот прорвут тонкую пленку черного покрытия дороги и на свет появится, скажем, груздь или белый. Хотя, скорее всего поганка. Баюкая в руках непривычно уменьшившуюся винтовку, Басмач зорко оглядывал улицу. Назар, державшийся позади, шел много свободнее, но нет-нет, а поглядывал по сторонам, уж больно пугающе смотрели на бредущих людей глазницы выгоревших изнутри квартир, облезлые, местами отвалившиеся наросты балконов и лоджий. Только Бес спокойно брел чуть в стороне, будто вокруг вовсе и не мертвый город.

По прикидкам Басмача, пройти оставалось еще километров пять максимум. Проспект Ленина должен был пересечься с проспектом Абая, и там оставалось только свернуть налево, чтобы добраться до Уранового завода. Именно на заводе Басмач надеялся обнаружить конвой Айдахара. И все это по прямой, по открытой местности. Хотя, конечно, можно и дворами, но до Напасти шастать подворотнями порой было себе дороже, навряд ли с тех пор что-то изменилось в лучшую сторону.

Вжимая голову в плечи от накрапывавшего дождя, Назару было скучно просто идти и ничего не делать, от безделья зудели мышцы. Пальцы требовали обычной ежедневной разминки с ножами, чтобы подолгу, до мозолей кидать и кидать в деревянную мишень в красно-белую полосу. Уши требовали тот самый упругий, ни с чем не сравнимый звук, с которым отточенный клинок вонзается в дерево: «Ш-тук! Ш-тук! Ш-тук!»

Он вытянул один нож из бандольерки и принялся крутить клинок между пальцев, унимая зуд от безделья. Как вдруг заметил движение. Еле заметный смазанный силуэт мелькнул в окне многоквартирки, на третьем этаже. Не спеша паниковать, он стал наблюдать, вдруг показалось? Но нет, не показалось: в доме через дорогу в темных окнах кто-то двигался, ловко перескакивая с балкона на балкон. Назар вернул метательный нож в перевязь на бедре и потянул ружье с плеча.

– Не дергайся, пацан, – глухо отозвался Басмач, продолжая идти, как и шел. – Не показывай, что ты их заметил. Давно уже идут за нами.

Чуть запнувшись, Назар сделал вид, что просто перевесил двустволку с левого плеча на правое. Но искоса все же присматривал за тылами.

– Может и не опасные. А может бояться, вот только кого, нас или... – на полуслове бородач замолчал и остановился. Столб, на котором висели длинные «лианы» высоковольтных проводов для трамвая, был наряжен в непонятное чучело, или, скорее, даже знак: связка пробитых черепов все как один с высокой надбровной дугой, десяток рук-ног, и какого-то мусора вроде стянутых между собой веток. Движение в домах справа и слева стало заметней и многочисленней.

– Вот и родственнички убиенных тобой и мной неандертальцев пожаловали. Что, пацан, не узнаешь? Прямо одно лицо. Тебя на форшмак пустить хотели.

Напряжение росло, непонятные существа по двое по трое скапливались в окнах и на балконах третьего этажа дома через дорогу. Любопытные головы буквально гроздьями уже свисали.

«Га-а-а!» – пронзительно разнеслось по улице. Затем клич подхватили и другие.

– Пацан, деру! Делай как я! – Басмач, пригнувшись, рванул вперед. Назар, чуть замешкав, припустил следом. В спины же кроме многоголосого «га», с глухим стуком и звонким «дзынь» о рельсы и асфальт посыпались камни, палки и отточенные куски арматуры. Назар с трудом поспевал за петляющим, как тоннельная крыса, бородачом. Тот двигался зигзагом, проворно меняя направление на размокшей грязи, перепрыгивал через валежник и обрушивал остовы машин. В груди полыхнуло огнем, Назар закашлялся, запнулся о валявшуюся на пути корягу и кубарем полетел на изгаженный асфальт.

Басмач, круто развернувшись на месте, не сбавляя скорости, на бегу подхватил Назара и буквально понес на руках. В корягу тут же впилося корявое копьё из заостренного штыря.

Метров через двести, Басмач тяжело дыша обернулся, а после перешел на шаг и остановился, преследователи отстали. Только не все. Один, низкорослый, обмотанный чем-то красным вокруг талии, подпрыгивал на косолапых ногах, поднимая тучи брызг из лужи, в которой стоял и потрясал копьём. Воинственно гоготал, насылая на головы людей кары Египетские не иначе, но с места не сходил и на шаг.

– Все, пацан, дальше эти мартышки не пойдут, ух... – Басмач уперся руками в колени, затем выпрямился и осмотрелся. Вокруг в принципе ничего не изменилось, но почему-то пугало местные аборигены поставили. Причем оно скорее предупреждение – вот только о чем, «не влезай убьет» или «мост разрушен, проезд закрыт»? Назар стоял неподалеку с ружьем наготове, ожидая, что аборигены нападут. А вот Бес, вдруг вынырнувший откуда-то из кустов, встал посреди дороги и уставился вперед. Басмач подошел к волку и присел рядом.

– Что, блохастый, опасность чувствуешь? – Волк конечно не ответил, только искоса поглядел на него и продолжил свое бдение. Дорога как дорога: асфальт местами занесен землей, и эти островки за годы после Напасти успели обрасти травой, и даже деревцами. Слева высилась стеклянная коробка какого-то училища, а может университета, Басмач уже и не помнил толком. Справа пара приземистых домов, при Советах наверняка бывших чем-то вроде приема стеклотары или продмага, а в лихие девяностые ставшие, к примеру, пивбарами и казино. То, что поближе, кстати, напоминало салун дикого придикого Запада, с двустворчатой дверцей на

входе и импровизированной коновязью вдоль стен. Так, что же не так? Басмач встал, оглянулся на парня. Тот бдительно вглядывался в окрестности, держа двустволку наготове.

«Может мины?» – с сомнением подумал он. Хотя, если мины и кто-то из мартышек подорвался, то и ямы бы остались. А тут никаких воронок, только мусор, валежник, старые кости и колодцы городской канализации... Так, стоп. Виденные до сих пор крышки колодцев все как одна были заржавленные, ведь колес и ног, что день за днем могли их полировать чуть не до блеска, снимая слой ржавчины, давно нет, канули в Лету. И кости. Вокруг, вперемешку с ветками и мусором, полно костей. До ближайшего чугунного блина метров пятнадцать, не больше.

– Пацан, слышь, отойди-ка метров на десять назад, – Басмач обернулся. – Ага, вот так. Готовься стрелять если что...

– А куда? – вытянул шею Назар, разглядывая, что же там впереди. Но Басмач не ответил, а просто подобрал валявшийся под ногами обломок рыжего кирпича и, примерившись, отправил его в полет по пологой траектории. Описав дугу, кирпич со звонким «блямс» шмякнулся точно в клетчатую середину люка.

– Ну, что там? – поинтересовался Назар, успевая смотреть в две стороны почти одновременно.

– А ничего. Дома никого нет. – Подобрал округлую гальку почти с кулак размером. Взвесил в ладони, примерился, и зашвырнул теперь уже в следующий люк, но значительно дальше прежнего. Повторного «блямс» не получилось, камень не долетел с метр до колодца и ударился об асфальт...

Крышка молниеносно откинулась в сторону как на шарнире, из лаза выпрыгнул пучок окслизлых лап-щупалец, слепо махнул, ловя пустоту вместо успевшего подпрыгнуть камня. Но тут же, будто просчитав траекторию, щупальца, ухватив каменюку в полете, нырнули обратно, аккуратно прикрыв за собой люк.

Басмач замер ошарашенный. В памяти всплыло детство в деревне, и пауки, жившие в норках у реки. Над каждой норкой крышечка. Подходишь близко, она захлопывается. Но если подлетит муха, то появляется хозяин... Бородач обернулся к Назару, тот с выпученными глазами прижимал к себе ружье.

– Они на вибрацию реагируют. Пацан, это хорошо, что ты не стрелял. Эта хрень, наверное, не отходит далеко, но... лучше не рисковать. Вон сколько этих «крышек» разбросано. Идем в обход.

Проплутав дворами несколько часов, Назар и Басмач наконец выбрались на проспект, названный в честь великого казахского поэта и философа Абая. Этот проспект разительно отличался от прежнего, здесь всю дорогу в направлении выезда из города запрудили автомобили. Так же, как и на мосту, истлевшие трупы сидели или лежали, в своих жестяных скорлупках на колесах. Дождь тем временем из моросящего превратился в проливной, поднялся ветер. Идти стало невозможно, из-за хлещущих с неба струй ничего не видно и не слышно, вдруг кто позади крадется? И не заметишь, пока не вцепится клыками в загривок. Басмач, щурясь от больно хлещущих водяных плетей, обернулся назад. Назар совершенно вымок и шел еле перебирая ногами, отчаянно кутаясь в сырой войлок куртки.

Впереди, насколько помнил Басмач, по левой стороне в ряду домов когда-то был таксопарк. Это предприятие машин с «шашечками» было учреждено в далекие советские времена, когда имея всего лишь рубль в кармане можно было объехать чуть ли не всю страну, правда не на такси. Серая арка над въездом на территорию, с железными решетчатыми воротами и двумя смотровыми ямами контроля оказались на своем месте.

В сущности, за все эти годы с развала СССР, времен разгульных девяностых, становления совершенно новой независимой республики, и последующей атомной бомбардировки, прозванной Напастью, в облике этого места ничего не изменилось. Картина из керамических

плиток, изображавших бело-серые фигуры шоферов и машин такси, навсегда застыла над въездом на территорию. Только лишь у двухэтажного, серого неприметного здания конторы, прилепившегося слева, полупилась штукатурка да разрослось до неприличных размеров дерево на клумбе. И все, будто и войны не было.

Держа обрез винтовки наготове, Басмач толкнул стародавнюю стеклянную дверь в железной окантовке, скрипнув, та с сопротивлением, но отворилась. Узкий тамбур проходной, выкрашенные «по-казенному» в два цвета стены, запустение, мусор, мебель на запыленном полу и всё. Здание управления автопарком Басмач для отдыха выбрал не зря, здесь не было слепых коридоров. Даже из кабинетов вполне можно выбраться на крышу, а уже оттуда по одной из пожарных лестниц на землю. Пропустив Назара и промокшего до нитки волка в предбанник проходной, бородач закрыл дверь, для надежности перекинув щеколду. Препятствие конечно так себе, зато тихо уже не войдешь, впрочем, как и не выйдешь.

Судя чуть ли не по сантиметровому слою пыли на полу, они первые здесь гости за многие годы. Да и что могло понадобиться тем немногим выжившим? Ни еды, ни воды, ни оружия. Ничего полезного, только если ворох бумаги... Просмотрев на сколько хватало света и зрения коридор, уходящий через весь первый этаж в другой конец здания, Басмач, хлюпая башмаками, осторожно забрался по короткой лестнице на второй этаж, осмотрелся. Направо – глухая стальная дверь с пудовым навесным замком. Что там может быть, вопрос. Вполне возможно сокровища вроде одежды, спецовок, склад запчастей к давно сгнившим автомобилям, а может и просто ничего, пустота. Замок и внушительная бронедверь на входе не всегда означает ценное содержимое, ценности у всех, они разные.

Налево, анфилада кабинетов вроде приемной директора, отдела кадров и прочая, заканчивалась зарешеченным окошком кассы. Когда-то здесь выдавали зарплату. Басмач прошелся до окошка, заглянул, мало ли. Прошелся по кабинетам, проверяя двери. Часть оказалась закрытой, включая бухгалтерию и приемную. А вот просторный зал на два десятка стульев оказался открыт. Бородач кивнул, Назар понуро ввалился в кабинет, волк прошмыгнул следом.

За пыльными «стеклопакетами» окон шел дождь. Ветер швырял полные пригоршни воды в стекло, выбивая замысловатую дробь. Бумага, пропитанная самогоном, шипела и стреляла искрами. Назар, глядя на пляшущее над жестяной банкой красно-голубое пламя, трясся от озноба. Куртка и свитер промокли насквозь, и теперь сушились, будучи распяты на двух стульях как раз вокруг импровизированного костерка, заодно прикрывая свет от посторонних глаз, мало ли кто увидит отсветы огня в сумерках. На свет могут слететься не только бабочки, далеко не они.

Голова Назара была абсолютно пуста, даже мысли о спасении сестры требовали большого усилия. Хотелось есть, выспаться, и наконец-то согреться, самодельный примус полноценного костра или дровяной печи не заменял. Басмач же сидел напротив и задумчиво потирал руки. С его головы все еще стекали капли воды и с тихим стуком падали на пол, оставляя черные кляксы в пыли. О чем он думал? Да, мало ли. Он вообще казался Назару странным, «не от мира сего», как порой говаривала Жива, знахарка из труппы Шимуна. Бес лежал рядом, облокотившись мокрым боком об ногу, но Назар не гнал волка, хоть тот и был мокрым. Зверю также хотелось тепла.

Назар, все же пригревшись, уже клевал носом, когда отчетливо зазвенело.

– У нас гости, – неживым голосом произнес Басмач и поднял взгляд. Назар увидел глаза отсутствующего человека, тело вроде как здесь, сидит у огня, но вот мысли явно далеко. Правда длилось это лишь мгновение, лицо будто ожило, глаза обрели мысль. Бороду прорезала зверская улыбка:

– Будем встречать! – Резво подскочил, накинул еще мокрый плащ и, осторожно подходя, приник к двери, прислушиваясь. По лестнице кто-то поднимался, причем совсем не таясь

бухал сапожищами по истертым бетонным ступеням. Басмач вытянул нож из поясных ножен: отточенная сталь тут же блеснула в свете горелки. Бородач искоса посмотрел на пламя. Без слов все понявший Назар прикрыл огонь жестянкой и быстро натянул мокрый свитер и куртку. В коридоре же было явственно слышно, что топают двое, если конечно у гостя не четыре ноги. Вот только четырехногие как правило, щедро одарены взбесившейся природой когтями, зубами, щупальцами, кислотой и прочими натуральными средствами умерщвления. За дверью же отчетливо лязгало вполне рукотворное железо.

Спрятаться и ждать, что пройдут мимо, не получится. На полу слишком явственно видны их с Назаром следы, такое и слепой не проглядит. А шли ведь именно по следу. Бес, встав напротив двери, глухо зарычал.

Раз двое поднялись наверх, на первом этаже могут поджидать еще десятеро. И вовсе не поумневшие мартышки с самодельными копьями. Басмач подхватил с полу старый, но сработанный из стального профиля советский стул и подпер им дверь. Шаги в коридоре прекратились, знакомо пискнуло, зашелестело. Басмач про себя удивился, услышав звуки рации и щелчок тангенты, но решил, что показалось. В дверь ударили, стул скрипнул, но не поддался. Таиться смысла больше не было, Басмач с хрустом вывернул из окна разошедшийся пластик стеклопакета, в комнату тут же ворвался шум проливного дождя и запах мокрого асфальта. В дверь снова ударили, склеенная из брусков и шпона, по-советски надежная дверь пока держалась, но надолго ли?

Пока Басмач осматривал что-то за окном, Назар перевернул длинный и тяжелый стол, ухватив за край с трудом подтянул его и прислонил к входу. Овернулся на Басмача, а его нет, только из окна на пыльный пол хлещут крупные капли воды. В дверь уже тарабанили не переставая, она гнулась под натиском снаружи, грозя вот-вот развалиться в труху.

«Сбежал, – пульсировало в мозгу. – Испугался. Ну и бес с тобой!» Назар сдвинул замки и переломил ружье, проверил латунные кругляши патронов, торчащие из казенника, захлопнул обратно. Покосился на волка, – хоть ты со мной, – и нацелил дрожащие стволы на дверь. Палец, будто обретя собственную волю, чуть выбрал слабинку железной скобы. Просто выстрелить, и все прекратится, наступит тишина, и только Бес будет сопеть лежа у плюющегося искрами примуса в жестянке. Назару вдруг стало очень страшно и одиноко. Но стрелять через преграду нельзя, Назар это уяснил еще в убежище, когда тайком наблюдал, как зритель выстрелил дуплетом из короткого дробовика в хлипкую на вид дверь жилища библиотекаря. Того пришли арестовать по доносу за распространение антинаучной литературы и пропаганды. Но дверь была жидкой только с виду, стальная пластина, замаскированная под фанеру, заставила картечины срикошетить в зрителей, в том числе и стрелка. Назар, сжав зубы, стал ждать, когда гости наконец войдут.

Оказавшись на широком, сваренном из прутьев карнизе с бегущими вдоль трубами, Басмач, шурясь от дождя, осмотрел двор с расположенными чуть поодаль строениями ремонтных боксов, низкими коробками складов и неведь как тут оказавшимися большегрузными тягачами, вросшими в землю. В сумерках слишком-то не разглядишь, но на первый взгляд никого. Выпрямившись во весь рост, бородач подпрыгнул и ухватился за край, подтянулся, благо по нему шел толстый кабель. Оказавшись на крыше, скользкой от дождя и нанесенной земли, побежал на другую сторону здания. За секунду преодолев расстояние в тридцать метров, свесился с крыши. За шиворот тут же устремились холодные струйки воды, но он и не заметил. Под окном оказался небольшой балкончик и стеклянная дверь. Спрыгнув, с ходу войти не получилось, заперто. Басмач вогнал широкий клинок штыка и приналег плечом. Хрупкая преграда, хрустнув, поддалась. Кабинет директора таксопарка располагался как раз напротив конференц-зала, где остался Назар с волком.

Внутри по нынешним временам просто роскошно: дорогой, сработанный под красное дерево стол, письменные принадлежности с позолотой, плоский монитор компьютера, какие-то панно на стенах, холодильник, притулившийся в углу, даже скорее мини-бар. Но это Басмач отметил чисто автоматически, на случай если что. Сам же ринулся в приемную, закуток секретаря со столом попроще, парой стульев для посетителей и кулером у стены с давно вытекшей водой. На двери в коридор оказался «английский» замок, стоит такой захлопнуть и внутрь уже не попадешь. А в коридоре всё шумели. Басмач взял в обе руки по ножу, оттянул лезвием штыка рычажок на замке и что есть силы пнул полированную дверь.

Гости, осадившие дверь конференц-зала и заседавшего там Назара, атаки с тыла как-то не ожидали, вернее не ожидал тот, что долбил в дверь узловатой не то дубиной, не то грубо сработанной под бейсбольную биту палкой. Потому умер первым, получив чуть более двух десятком сантиметров стали под левую лопатку. Зато второй оказался проворнее. Выхватив из поясных ножен средней длины саблю, принялся выписывать восьмерки. В коридоре, конечно, сильно шашкой не помашешь, но Басмачу вполне могло и этого хватить.

Незнакомец, перестав красоваться, зарычал и сделал выпад, целя Басмачу острием в грудь. Бородач такого не допустил, и успел отбить саблю штык-ножом от СВТ. Затем еще выпад, и еще. Басмач только успевал отпрыгивать, долго так продолжаться не могло, штык совсем не сабля, длины для атаки не хватает. А ближе незнакомец подойти просто не позволит. Пистолет очень пригодился бы. Мысль про короткоствол почти физически обожгла, ведь пистолет, маленький и самодельный, покоился в кармане плаща! Вот только сильно шуметь ой как не хотелось. Вся Айдахарова конница и вся Айдахарова рать здесь была совсем ни к чему, а махавший саблей был именно из нее. Уж больно приметные латы из вываренной кожи, глухой рогатый шлем с прорезью для глаз, закрывающий лицо грубой маской из дерева, изображавшей страхолюдную рожу. Айдахаровец же, делая короткие выпады, рубил то справа налево, то слева направо, оттесняя Басмача к лестнице.

Басмач вдруг почувствовал старость. Нет, он вовсе не впал в перманентный маразм и не принялся читать айдахаровцу нотации, как лучше рубить врага в щепу, нет. Он стал сомневаться, что справится. Впервые. Не сдался, такого никогда не будет, но ощутил усталость и неуверенность в собственных силах. Замешкался. Айдахаровец вроде как хотел уколоть в живот, но, не достигнув цели, на обратном ходу чуть повернул острие сабли и чиркнул по предплечью. Боль тут же отрезвила и поставила все на свои места.

Воин довольно хмыкнул, видя заструившуюся по руке кровь, и замахнулся для следующего удара. Чуть слышно затрещала рация, айдахаровец буквально на мгновение отвлекся, но этого хватило. Басмач тут же поднырнул под вооруженную руку, всадил штык-нож тому в грудь. Вываренная в масле кожа не спасла. Тридцать пять сантиметров старой доброй стали прошли сквозь нее, вспоров живую кожу хозяина, разгоряченные боем мышцы. Клинок с хрустом раздвинул ребра, рассекая артерии, и, вновь скрежетнув о кости, вышел из спины. Безымянный воин захрипел, попытался слезть с наколовшей его «булавки», но Басмач не позволил. Чуть провернув клинок в ране, рывком выдернул штык, и ударил снова, на этот раз уже точно в сердце. Айдахаровец затрясся и обмяк. Басмач выдернул нож, и бездыханное тело повалилось навзничь, заливая охряным загаженный пол.

– Старость, говорите? Да хрен там, еще повоюем, – угрюмо пробормотал Басмач, стирая кровь с ножа. Перешагнув через труп, аккуратно подошел к двери и громко позвал:

– Слышь, пацан, не пальни со страху, это Басмач. Разбирай завал, уходим.

Стоило отойти на несколько сотен метров от таксопарка, как из проулка вынырнул отряд черных воинов. Назар и Басмач успели укрыться за сгоревшим автобусом, пока айдахаровцы не скрылись где-то у ворот. По чью душу они шли и так было понятно, те двое, убитые бородачом,

либо разведчики, либо просто отставшие. Наличие в городе патрулей несколько усложняло дело, теперь стоило опасаться не только аборигенов и мутировавших животных.

Басмач проследил взглядом за черным отрядом, и решил идти тем же путем, что и они, нужно лишь подождать. Время шло, сумерки перешли в темноту, наступила ночь, но отряд так и не вернулся. Над городом показалась луна, прекратился дождь, небо очистилось. Резко континентальный климат проявлял себя во всей красе, с грацией и ловкостью вышколенного официанта, как блюда на столе меняющего погоду, вот – дождь, а вот – снег. Вдруг, в небо один за другим ударили несколько столбов света, они шарили по чернильному небу, будто что-то выискивая, а затем загрохотали выстрелы.

Басмач почти бежал в темноте, на ходу перепрыгивая кучи мусора, упавшие деревья, огибая нагромождения каких-то контейнеров. Назар пытался не отставать, но силы покидали его. Бес же несея впереди их обоих, как бы прощупывая дорогу на предмет опасности. А стрельба слышалась все громче. Наконец волк нырнул в пролом в бетонном заборе, но дыра оказалась слишком мала для человека. Впрочем, вход нашелся быстро. Назар и Басмач, тяжело дыша, остановились.

– Сейчас отдышимся, а дальше идем тихо. – Басмач протянул флягу с водой.

– Понял, – тяжело отозвался Назар, принимая воду. От бега жгло в груди и саднило в брюхе – до ужаса хотелось есть. И вообще, он с детства тяжело переносил голод. А уж тогда-то он успел наголодаться, и память об этом сохранилась навсегда. Хлебнув противной, отдающей алюминием и тиной воды, вернул емкость. Басмач тряхнул флягу и, немного отпив, спрятал на пояс.

Оказавшись в окружении непонятных строений, они крались под арками из труб и кабелей, обходя по дуге непонятные агрегаты, и пугающие светящиеся голубым светом пятна на земле. Территория завода огромна. Но чуткий нюх волка указывал верную дорогу, по крайней мере, для Беса, который мог пролезть почти везде, а людям приходилось искать обход.

Наконец они вышли на обширную площадку между заводскими корпусами, подсвеченную многочисленными прожекторами. Лагерь был устроен по всем военным писаным и не писаным канонам. Помимо прожекторов стационарных, освещавших пикеты охраны и пулеметные точки, было еще несколько шаривших огненным глазом по округе. Чтобы не быть обнаруженными, Назар и Басмач залегли в кустах у нагромождения не то контейнеров, не то трансформаторных будок, что, впрочем, и не важно. Люди, как муравьи, мелькали здесь и там, что-то перетаскивая из цеха и сгружая в вагоны.

Басмач узнал из словесного описания старика-мутанта тот самый «АСКВ», бронированный атомный вездеход, за которым гонялся многие месяцы. Сейчас, в темноте, разглядеть его исполинскую тушу было трудно, прожектора освещали только внешнюю часть лагеря, а центр как-то и не освещен, за исключением нескольких островков.

Басмач достал бинокль, чтобы рассмотреть эти «островки». Расстояние было небольшим, метров двести или триста. Приближенные оптикой, скудно освещенные островки оказались пулеметными расчетами на боевых платформах и самом тягаче. Некоторые прожекторы, устремленные в небо, что-то выискивали, а учитывая басовитый рокот зенитной установки калибра двадцать три миллиметра прошлой ночью, цель должна быть что ни на есть воздушная. Вот только что за вертолеты с самолетами могли здесь оказаться и так докучать Айдахару? Басмач почесал лысину, размышляя. Про летающих тварей ему уже приходилось слышать. Вроде бы те водились, правда далеко, у моря, где-то в сторону Волгограда, или чуть не в Анапе.

Назар же, лежа на размокшей и успевшей взяться льдом земле, во все глаза глядел на освещенный яркими огнями лагерь и всей душой рвался туда, ведь где-то там была его сестра, его Майка. Во всем мире нет человека роднее чем она. А Майка, поди, ждет, страдает. А вдруг... вдруг с ней делают что-нибудь?! Так чего мы тут лежим, а она... там!

От этой мысли, что черные уроды могут сотворить с сестрой, Назар даже подскочил, вернее попытался и тут же получил тяжелой рукой по загривку.

– Лежи, гаденыш! – зло зашептал Басмач. – Спасатель хренов, если ты мне все дело изгадишь, когда так близко подобрался... Зарежу и глазом не моргну. Притихни аудал⁵.

Вспыхнув, Назар хотел было ответить, но не успел.

Разрывая морозную тишину, заставляя диафрагму болезненно вибрировать, а голову инстинктивно вжиматься в землю, застучала зенитка. Направленные в небо спаренные стволы дважды изрыгнули пламя. Все как один прожектора, лениво прощупывавшие небеса, вдруг сошлись в одной точке, вернее попытались, то, что парило над лагерем, вовсе не желало быть пойманным в сети лучей. Перекрывая гомон людей и лязг подтаскиваемых ящиков с боеприпасами, по ушам ударил ужасающий вой. Басмач решил, что на лагерь для атаки на малой высоте заходит истребитель-перехватчик МиГ-25, и именно рев его турбин заставляет непроизвольно стучать зубы и зудеть в костях. Размышлял он только мгновение. Схватив Назара как котенка за шкурку, бородач бросился бежать, подальше от лагеря. И вовремя. Вой, достигнув пика, разрядился глубоким «у-у-увва» и стал удаляться. Бегущим Назару и Басмачу в спины ударила вспышка зеленоватого света, а после догнала ударная волна.

---

⁵ Аудал – «дурак», «кретин» в переводе с чеченского.

Глава 7. Урановый завод

После взрыва первым очнулся Басмач. На улице порядком рассвело, еще не день, но часа четыре точно. Оглянувшись по сторонам непонимающим взглядом, наткнулся на Назара. Бес оказался тут же, рядом. Видать, охранял все это время. Бородач ощупал голову, вроде целая. С трудом подполз к бессознательному парню, проверил пульс, жить будет и крови не видно. Во время взрыва даже монетка, завалявшаяся в кармане, это вполне себе шрапнель, а про камни и прочий мусор, валявшийся вокруг, и говорить нечего.

«А что же так рвануло? Неужто истребитель?» – голова от мыслей просто раскололась на части. Впрочем, и без мыслей тоже. Куча железных ящиков, послуживших еще вчера укрытием, сейчас живописно валялась вокруг, повезло, что таким контейнером с грузовик размером не накрыло. Поднявшись на ноги, Басмач сгрузил бессознательного Назара на плечо, и шагом, покачиваясь, отправился подальше с открытого пространства, мало ли, вдруг айдахаровцы решат прочесать территорию? Ведь кто-то или что-то на их лагерь напало.

Проковыляв с полсотни метров, среди переплетения бегущих в разных направлениях труб, огороженных трансформаторных ячеек с толстенными проводами, уходящих в темные жерла цехов, он никак не мог найти места для отдыха. А его следовало найти, чтобы пересидеть, пока Назар не очнется. И на разведку не мешает сходить. Вдруг взрывом уничтожило бронемашину? Хотя в последнее он не верил.

Во-первых, во время ночевки в гараже уже слышал стрельбу зенитки и пулеметов, значит это уже нападало. А во-вторых... не верил и всё тут. Так просто такие, как Айдахар, не гибнут. Тираны вообще редко мрут от случайностей, скорее от чего-то целенаправленного, вроде цианида в чае к завтраку или пули снайпера через окно на обед. Но вот так, глупо...

Наконец в одном из закоулков бесконечного Уранового завода обнаружилась неприметная, когда-то серая, а теперь ржавая в лохмотьях краски дверь. А за ней оказалась маленькая каморка дворника, или сантехника? Непонятно кто, но тут когда-то жили, судя по топчану вдоль стены, печурке, столу и совсем уж роскоши – паре табуреток. Возможно, просто не занятое помещение для оборудования. Главное, что просторно, почти чисто – не считая прыснувших в стороны пасюков – и дверь изнутри закрывается. На первое время сойдет. Где лучшее укрытие? Правильно, у врага под боком, там, где он не станет искать.

Басмач скинул изъеденный крысами до состояния трухи матрац на пол и уложил Назара поверх панцирной сетки. А сам уселся на пыльную табуретку и стал думать о делах, которые, к слову, были не ахти: нужна еда и вода. Айдахар со своей колымагой уже никуда не денется. Побарабанив пальцами по пыльной, изгаженной столешнице, Басмач встал.

– Волчара, охраняй парня, я на разведку. – Критически осмотрел винтовку, проверил рабочий нож и штык, скинул рюкзак, а после вышел, плотнее притворив за собой дверь. На улице вдохнув полной грудью морозного воздуха, как следует, огляделся. Куда ни плюнь, всюду какие-то бараки, хибары, строения, корпуса и цеха. Типичная промплощадка одним словом. Территория почти чистая от поросли деревьев и травы, может тому способствовал толстый слой бетона, а может еще что. Только растительность как-то все больше жалась к фундаментам зданий и категорически не росла на дорожках.

Тем временем настало утро, чистое и лучистое. Причем последнее в двух смыслах. Во-первых, очень солнечное, хоть и холодное. А во-вторых, радиоактивное, ведь этот завод всю когда-то производил все связанное с атомной промышленностью. За той продукцией, скорее всего Айдахар и пожаловал. Например, за антарцитово-черными «таблетками», служащими топливом для ядерных реакторов. «АСКВ» наверняка этими вот пиллюлями следует заправлять, не иначе. Басмач отправился туда, где вчера повстречали конвой.

Взобравшись по пожарной лестнице на плоскую крышу какого-то цеха, никем не замеченный, Басмач улегся поудобнее на согревшемся рубероиде и стал наблюдать. А посмотреть было на что: в двухстах метрах впереди, свернувшись кольцом как змея, стоял тот самый «АСКВ-50». Басмач пожалел, что нет современного бинокля, с антибликовым покрытием, чтобы рассмотреть все в деталях. Но, чего нет, того нет. Пришлось подождать, пока солнце не поднимется выше, и станет светить в спину, а айдахаровцам в лицо.

Время тянулось, Басмач даже задремать успел, пригревшись на солнышке.

Дождавшись, когда солнце сменит положение на небе, Басмач, выставив бинокль над парапетом, принялся жадно всматриваться в то, за чем гонялся вот уже год. Головная машина и последующие пять вагонов, пониже и чуть шире обычных железнодорожных, были на гусеничном ходу. Оставшиеся, уже на толстенных рубчатых колесах по шесть с каждой стороны. А вот посередине между локомотивной частью и грузовой ютилась самая настоящая, прикрытая с боков низкими покатыми щитами, открытая боевая платформа с чем-то угловато-зачехленным, по силуэту очень уж похожим на длинноствольное оружие. Ну, и рядом притулилась давешняя знакомая – «ЗУ 23-2», в своем стационарном варианте, без откидных колес. Странные наросты на каждом вагоне при детальном рассмотрении оказались не чем иным, как башнями от БТР с задранными к небу дырчатыми кожухами стволов КПВТ.

Нашлось и то, что ночью взорвалось. Трехэтажное здание в десятке метров севернее лагеря оплавилось чуть ли не наполовину. Не разлетелось на кирпичи и обломки, а оплыло, как разогретый воск. Вчера строение еще существовало, там располагался один из прожекторов и пулеметная точка, Басмач точно это запомнил. Но вот что могло быть как истребитель, летать, оставаясь не уязвимым для «зушки» и расплавить целый дом?!

Басмач отнял бинокль от глаз и крепко призадумался: чем такой бронепоезд можно подбить, из кастрированного СВТ? Да тут даже парой «Мух» не обойтись. Главное остановить сам тягач, лишить его возможности увезти своего хозяина. А еще не мешает освободить тех, кто, наверняка, ютится в прокалившихся на солнце стальных коробках в хвосте поезда, пленники наверняка там. Но они все же задача второстепенная.

Техника – это половина дела, а как же охрана? Черные солдаты это сила, они не станут стоять в сторонке и смотреть, их тут не меньше сотни копошится. Поглядев на матово блестящие под солнцем бронированные вагоны, Басмача вдруг понял:

«А кто сказал, что предводитель этого бандитского логова на колесах ездит лично, откуда такая уверенность? Лучше всего засесть где-то в логове, вкусно есть и сладко спать, чем трястись, глотая пыль, на этой труповозке, медленно поджариваясь от радиации».

Мысль была важной, и многое меняла. Пронаблюдав еще с полчаса, Басмач вернулся к Назару.

Неладное он заметил еще на расстоянии: ржавая дверь была приоткрыта, в пыли перед входом виднелись темные пятна. Вытянув из ножен штык-нож, Басмач подошел ближе и осторожно заглянул вовнутрь. Пусто. Хотя и следов борьбы не видно. Только кровь на полу, у самой двери. Пригляделся, пятна для человека не очень-то и большие, максимум сильно порезал палец. Ступая очень аккуратно, бородач двинулся по следу. Частые капли перемежались с отпечатками обуви и вели куда-то за угол. Басмач решил, что на парня могли напасть, и он, будучи ранен, убежал.

Прокравшись к углу здания, Басмач остановился и прислушался: там кто-то был. Упругий звук, с которым сталь кромсает плоть, спутать невозможно. Прислонив винтовку к стене и вытянув из ножен второй нож, бородач дважды быстро вдохнул-выдохнул, рывком выкатился за угол и замер в недоумении: Назар, сидя в тени, к нему полубоком, спокойно потрошил очень крупную крысу. Бес же увлеченно наблюдал за действиями парня и помахивал хвостом.

– Будет что поесть, – улыбнулся Назар, отсалютовав окровавленным ножом. – Это Бесяра принес, молодчина блохозавр.

Басмач, глядя на счастливого парня, нахмурился, спрятал нож и подошел ближе.

Крыса на поверку оказалась самой настоящей нутрией, только как она очутилась на территории завода, вопрос, правда река недалеко протекает. Когда-то давно, эти зверьки охотно разводились в подсобных хозяйствах из-за диетического мяса и хорошего меха. Но Басмач ручаться бы не стал, мало ли с кем блудила бабка конкретно этого грызуна, ибо от нутрии в нем мало что осталось. Готовку дичи бородач Назару не доверил, велел всю кровь и кишки вместе с землей закопать метрах в двухстах в стороне, мало ли кто на запах придет. Нарезав куски нежного мяса, бородач натер их смесью соли и черного перца, добавил остатки квелой черемши.

– Специи, – удивленно спросил Назар, заметив в руках Басмача пахучий холщовый мешочек, – откуда?

– О-о... – многозначительно протянул бородач, щедро растирая мясо черно-серым порошком, – это богатство мне досталось с боем. В драке взял. Чуть не убили из-за него, под Ахтюбой.

Старую буржуйку пришлось немного доработать – жестяную трубу дымохода всунули в короб вентиляции, чтобы дым не шел сразу на улицу, а сначала попадал внутрь цеха за стеной. С дровами проблем не оказалось, в округе было чему гореть.

Когда плоский верх буржуйки прокалился докрасна, заодно продезинфицировавшись от всевозможных бактерий, Басмач прикрыл поддувало печки, протер импровизированную жаровню тряпкой и раскидал соскобленный жир. Сало нутрии тут же зашкворчало, поверх легли куски мяса. По камерке поплыл сытный, чуть сладковатый аромат позолотившейся мясной корочки с легкой горечью перца и кислинкой дикого чеснока.

Дождавшись, пока мясо как следует пропечется с одной стороны, бородач перевернул каждый ломоть вилкой из мультитула. И так несколько раз. Получилось суховато, но все же достаточно, чтобы любые гельминты и их личинки сдохли в страшных мучениях. Изначально чистого белка вышло на глаз кило эдак пять, после жарки эта цифра сократилась на треть.

За обедом, с аппетитом жуя чуть суховатое, но буквально тающее во рту мясо грызуна, Басмач рассказал о том, что видел тягач Айдахара. Назар слушал молча.

– Нам не взять его нахрапом, – объяснял бородач. – Просто нечем. Там человек сто – это я только снаружи насчитал, а внутри по цехам гуляет и того больше.

– Я хочу увидеть, – ровным голосом произнес Назар. – Мне нужно. – Басмач спорить не стал, нужно так нужно. С одной стороны он понимал парня, его желание спасти сестру, и горячность, но она же его и бесила. Хотя каким он сам был в его возрасте? То-та и оно что таким же нетерпеливым. Басмач вздохнул:

– Пойдем не просто так, возьмем «языка».

– Кого? – удивился Назар.

– Одного, живого и не обязательно здорового, – ответил бородач, поддев кусок мяса на вилку. – Поговорим по душам.

Басмач снова оказался на крыше, облюбованной для наблюдения за лагерем, но теперь уже с Назаром. Тот жадно вглядывался в копошащихся людей, и в особенности в сами вагоны тягача. Буквально выхватив из рук бородача бинокль, принялся разглядывать две крайние железные коробки на колесах, только на их боках, где-то на середине высоты, были врезаны окна, забранные решеткой.

Назар, подкручивая колесико регулировки, пытался навести резкость, будто это поможет увидеть сквозь стальные стены. Не помогло. Но в какой-то момент ему показалось, что среди лиц смуглых и раскосых, сквозь прутья мелькнуло одно бледное с русыми волосами, только на мгновение.

– Я ее видел! Видел Майку! – радостно затараторил Назар, попытавшись встать во весь немалый рост. Башня на третьем от тягача вагоне дернулась, зарыскала стволом КПВТ, но выстрела не последовало.

– Да лежи ты! – в самое ухо рявкнул Басмач, припечатав Назара лицом в шершавый рубероид крыши. Он дернулся, чтобы ослабить давление, острый камень разодрал ему щеку, но бородач не позволил.

– Я. Сказал. Берем говоруна, – процедил Басмач, для верности еще разок впечатав разгоряченную голову Назара в не менее горячую кровлю цеха. – Умей выждать момент.

А в лагере тем временем что-то изменилось, воины в черном стали собирать временные фортификации, демонтировать щиты, окружавшие пулеметные точки.

– Они уезжают, – констатировал Басмач. – Нужно торопиться. Отползаем. Только не вставай, спасатель! – Назар сверкнул взглядом, но молча отправился следом.

Лагерь почти свернули, со всех сторон, из цехов и с крыш зданий стали стекаться патрули, по двое, по трое. На значительном отдалении от лагеря Басмач приметил низкий, но длинный барак, застекленный почти по всей длине стен. Через окна внутри просматривалось какое-то движение. Бородач ткнул Назара и знаком поманил за собой. Между цехом, с крыши которого они наблюдали за лагерем, и тем баракком было открытое пространство, потому пришлось сделать большой крюк и задами пробираться к цели.

Барак оказался сложен из белого кирпича, вход или выход обнаружился с торца, двустворчатая облезлая металлическая дверь с едва сохранившимся знаком радиационной опасности была распахнута. Басмач осторожно заглянул вовнутрь. Все пространство по обеим сторонам стеклянных стен занимали ярко-желтые ребристые цилиндры, стоящие торцом на полу, выложенном белой плиткой. С потолка свисали обрывки проводов, и навечно застывшая клешня крана-манипулятора, выкрашенная в черные и желтые полосы. Двое, в глухих рогатых шлемах, неспешно копались подле одного из цилиндров. Вернее, один искал что-то в серебристом ящике, а второй оглядывался по сторонам, вроде как прикрывая товарища. От входа метров тридцать, не больше.

– Того снять можешь? – Басмач покосился на притихшего Назара. – Нож метнуть. – Парень как-то натужно сглотнул, и неуверенно кивнул. Бородач, прищурившись, критически оглядел Назара с ног до головы и скомандовал:

– Давай.

Назар сглотнул еще раз и нетвердой рукой вытянул из бандальерки два ножа. Расстояние всего ничего, плюс «рогатый», заинтересовавшись, что же там выкопал товарищ, чуть наклонив голову стал рассматривать нечто на полу... Попасть не сложно, место между ухом и плечом не прикрыто ни воротником, ни отворотом шлема. Десятка на мишени гораздо меньше. Но то всего лишь деревяшка, а тут человек. Назар вытер вдруг выступивший на лице пот.

Басмач нервно оглянулся по сторонам.

– Они разбегутся сейчас как клопы, – горячо шептал он. – Представь, что они сделали или еще могут сделать с твоей сестрой. Вон тот рогач – твой враг. Одна попытка – один труп. Кидай.

У Назара вспотели и ослабли руки, а колени предательски задрожали. Да, они похитили Майку, но... но он не мог. Человека, вот так, запросто, из засады. Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.